

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

КРОВЬ
ДРАКОНА

Сергей Патрушев

Кровь дракона

<https://litres.ru/74462848>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где Империя Вечной Ночи питается болью своих детей, Кира — Девятый Клинок, оружие из плоти и драконьей крови.

Выжив в руинах родного города, она попадает в Коллегию Кровавых Печатей, чтобы стать оружием Императора. Но за обучением магии скрывается страшная правда: её брат Игнис не жертва врага, а живой предохранитель планетарного реактора, запёртый глубоко под землей.

Осознав, что Император Герман использует их как детонатор для уничтожения континента ради власти над миром, Кира совершает невозможное — поднимает бунт внутри самой неприступной крепости магов.

Теперь ей предстоит спуститься в сердце планеты, сразиться с собственным братом, чей разум сломан пытками, и бросить вызов системе, превращающей детей в монстров.

Это история о том, как любовь становится самым разрушительным оружием во Вселенной, а пепел сожженного прошлого может стать фундаментом для революции.

Содержание

Глава 1. Пламя в крови	4
Глава 2. Аудиенция у Императора	18
Глава 3. Коллегия Кровавых Печатей	34
Глава 4. Наставники	52
Глава 5. Первый урок огня	68
Глава 6. Иллюзии и ложь	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кровь дракона

Глава 1. Пламя в крови

Снег на окраинах Империи Вечной Ночи никогда не был белым. Он впитывал копоть из вечно багровых небес, оседающую пыль с заброшенных мануфактур и химический осадок от кислотных дождей, что проливались над Мертвыми топиями раз в месяц по расписанию имперского синоптика. Сугробы здесь имели цвет старой ржавчины и пахли озоном и гнилью. Кира знала этот запах лучше, чем аромат материнских духов, которых она почти не помнила.

Ей было девятнадцать лет, и последние двенадцать из них она выживала в остоле перевернутого грузового дирижабля «Левиафан», застрявшего брюхом в промерзшей глине Тракта Скорби. Двенадцать лет — это три срока стандартного сиротского приюта до совершеннолетия, после которого государство списывало таких, как она, со всех балансов. Выживай или подыхай. Кира выбрала первое.

Она была тощей, жилистой, с кожей цвета старого пергамента и волосами, стриженными коротким неровным ежиком кухонным ножом. Ее единственным богатством был тяжелый гаечный ключ, обмотанный изолентой, который служил ей одновременно монтировкой для вскрытия замерзших замков брошенных складов, оружием против одичав-

ших псов и инструментом для настройки ее единственной печки-буржуйки.

Сегодня ночью буржуйка молчала. Уголь закончился еще вчера, а идти к угольному складу у Третьего блокпоста означало попасться патрулю Внутренней Безопасности. У Киры не было идентификационной метки. Для Империи она официально умерла двенадцать лет назад вместе с родителями во время обрушения жилого сектора Гамма-7. Умершим топливо не полагалось.

Холод пробирал до костей, но Кира привыкла его игнорировать. Она сидела на корточках у смотрового люка, вслушиваясь в вой ветра, гуляющего между ребрами мертвого города. И сквозь этот привычный вой проступило нечто новое. Низкий, утробный гул. Не вибрация турбин проходящего поезда и не треск ломающегося льда на реке. Это звучало так, словно глубоко под землей ворочался гигантский зверь, перемалывая камни челюстями.

Кира замерла. Одичавшие псы выли иначе. Механические гарпии скрипели металлом. Этот звук был органическим, влажным и пульсирующим.

Гул оборвался внезапно, сменившись оглушительной, звенящей тишиной. Даже ветер, казалось, испугался и спрятался в расщелинах бетона.

Тень мелькнула над краем котлована, где лежал «Левиафан». Мелькнула слишком быстро для птицы и слишком плавно для дрона. Кира прижалась к ледяному металлу пере-

борки, сливаясь с тенями. Ее рука сама легла на рукоять гаечного ключа. Ладонь мгновенно вспотела, хотя пальцы уже начинало сводить от холода.

Оно спрыгнуло вниз.

Существо размером с годовалого быка приземлилось на четыре лапы без единого звука. Его тело напоминало сплетение черных, блестящих от слизи сухожилий, лишенное кожи. Сквозь переплетения мышц просвечивал фосфоресцирующий костяк ядовито-зеленого цвета. Головы у твари не было — только широкая зубастая щель поперек груди, которая медленно раскрывалась и закрывалась, издавая тот самый всасывающий звук. Вместо глаз по всему телу были разбросаны сотни мелких бусинок-перископов, которые сейчас все, как одна, уставились прямо на лист рифленого железа, прикрывающий вход в убежище Киры.

Кира перестала дышать. Гаечный ключ в руке стал скользким и бесполезным. Против этой хтонической пародии на кошку кусок железа поможет не больше, чем зубочистка. Нужно бежать. Через задний технический лаз, пока оно занято сканированием. До лаза пять метров открытого пространства. Три прыжка по снегу. Если повезет, тварь отвлечется на старый аккумулятор, валяющийся там же.

Один из перископов отделился от тела монстра, взлетел в воздух на тонкой нити-сухожилии и завис точно напротив щели, за которой пряталась Кира. Зрачок вперился в нее. Девушка поняла, что замечена, за долю секунды до того, как

существо издало крик.

Это не был рев. Это был звук разрываемой реальности. Высокочастотный визг, от которого затрещали волосы на голове, а барабанные перепонки взорвались болью. Мир потерял очертания. Кровь хлынула из носа Киры двумя горячими струйками, заливая верхнюю губу. Инстинкт самосохранения ударил в позвоночник электрическим разрядом. Она рванула крышку люка на себя.

Металл лязгнул, выдавая ее с головой.

Тварь бросилась вперед одним текучим движением. Земля содрогнулась. Зубчатая щель в ее груди распахнулась настолько широко, что туда мог бы провалиться взрослый человек, обнажив три ряда зубов, похожих на матовое стекло. Из пасти потянуло смрадом распадающейся плоти.

Кира нырнула внутрь «Левиафана» кубарем, чувствуя, как над спиной смыкаются челюсти. Воздух свистнул, разрезанный бритвенно-острыми резцами. Ей обожгло плечо — не зубами, а холодом абсолютной пустоты, которую несла в себе эта пасть.

Она покатила по наклонному полу машинного отсека, врезаясь в груды искореженных труб. Позади раздался грохот — тварь пыталась протиснуться в узкий для нее люк, сдирая свои черные мышцы о края металла.

— Сюда! — собственный голос показался Кире чужим, слабым и тонким.

Она поползла вглубь, в самое сердце мертвой машины, ту-

да, где сходились основные топливные магистрали. Там было тесно. Трубы горячего пара давно остыли, но пространство оставалось идеальным капканом. Если существо последует за ней, ему придется сложиться пополам. А когда ты складываешься пополам, твоя главная уязвимость — стык тазовых пластин — оказывается прямо перед лицом врага.

Кира втиснулась в узкую нишу между цилиндром охладителя и стеной. Выход отсюда был только один — через нее. Она выставила вперед гаечный ключ, понимая всю абсурдность этого жеста. Сейчас ее просто выпьют досуха через грудную щель. Закроют глаза, и вечная ночь станет буквальной.

Монстр прорвался внутрь. Обшивка «Левиафана» застонала под его весом. Сотни глаз-бусин обшарили полумрак. Перископы нашли ее. Существо издало низкий, удовлетворенный рокот и начало протискиваться в нишу. Черная слизь оставляла дымящийся след на стали.

Первый ряд стеклянных зубов оказался в десяти сантиметрах от лица Киры. Она зажмурилась, готовясь почувствовать, как давление вакуума начнет вытягивать из нее жизнь. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в каждом ушибе. Страх достиг своего пика, став чистым, дистиллированным ужасом выживания.

И тогда внутри нее что-то лопнуло.

Это не было похоже на магию из детских сказок про светлых чародеек. Никакого благодатного тепла или золотистого

сияния. Внутри грудной клетки Киры взорвалась сверхновая звезда. Боль была мгновенной, ослепляющей и абсолютно невыносимой — ощущение раскаленного докрасна лома, вонзившегося прямо в центр грудины.

Девушка закричала, но звук захлебнулся. Горло пересохло.

Вены на ее шее, руках и висках почернели. Они не просто набухли — они проступили сквозь кожу рельефной картой, словно кто-то проложил под эпидермисом угольные трубки. А затем кровь вспыхнула.

Сначала запылали царапины. Рваная рана на плече, оставленная дыханием твари, засветилась изнутри тусклым рубиновым светом. Края разорванной куртки начали дымиться. Затем пламя перекинулось выше. Оно не обжигало одежду — огонь жил прямо в капиллярах, под самой кожей. Лицо Киры превратилось в маску демона: бледная кожа стала прозрачной, открывая вид на кипящую алую реку, текущую под ней. Глаза закатились, белки тоже запылали ровным inferнальным огнем.

Тварь замерла. Рокот в ее глотке оборвался. Сотни перископов моргнули одновременно. Слизь на ее мышцах зашипела и начала испаряться, встретившись с жаром, исходящим от человеческого тела. Монстр инстинктивно отпрянул, пытаясь втянуть голову-щель обратно в грудь, но было поздно.

Кира открыла глаза. Радужки исчезли. Глазницы были

заполнены жидким, беспокойным пламенем цвета венозной крови. Она больше не боялась. Страх сгорел дотла в том внутреннем взрыве, оставив после себя лишь звенящую пустоту и первобытную, дремавшую миллионы лет ярость хищника, чью нору пришли разорить.

Она ударила. Не рукой. Рукой она лишь направила поток.

Из сжатого кулака вырвался не язык огня, а сплошная струя плазмы. Жидкое белое солнце, рожденное прямо в ее костном мозге. Струя ударила твари точно в основание грудной щели. Раздался звук, с которым закаленное стекло встречается с гидравлическим прессом.

Черные сухожилия существа мгновенно истлели, превратившись в пепел. Фосфоресцентный скелет обнажился на мгновение и тут же оплавился, стекая зеленоватой лавой на пол. Визг боли потряс стены «Левиафана», сбив с потолка многолетнюю пыль. Тварь дернулась назад, выламывая куски титановой обшивки, но Кира шагнула за ней.

Огонь требовал выхода. Он поднимался по пищеводу, грозя сжечь легкие изнутри. Каждое движение отзывалось агонией, но агония эта была сладкой. Она пьянила лучше самого крепкого спирта, который Кира когда-либо воровала у контрабандистов.

Девушка схватила монстра за остатки передней лапы. Плоть обратилась в труху от одного ее прикосновения. Кира зарычала — низко, гортанно, совсем не по-человечески — и впечатала существо в стену машинного отсека.

Плазменный выдох сорвался с ее губ сам собой. Широкий конус белого огня шириной в два метра прошел сквозь кабину «Левиафана», испаряя трубы, плавя сталь и превращая нижнюю половину хтонического ужаса в бесформенный ком шлака. Верхняя часть — клубок нервов и глаз — попыталась отползти, волоча за собой кишки из расплавленного стекла, но Кира наступила на него ногой.

Подошва тяжелого ботинка задымилась. Жар опалил икру, но девушка не почувствовала ничего, кроме необходимости закончить начатое. Она наклонилась, зачерпнула горсть снега (он зашипел, испаряясь, едва коснувшись ее ладони) и швырнула его в последнюю пульсирующую массу. От резкого температурного контраста останки твари рассыпались мелкой черной пылью.

Наступила тишина. Только гудело перегретое железо вокруг да тяжело, со свистом дышала Кира.

Жар начал отступать. Медленно, неохотно, оставляя после себя сосущую пустоту и лютый холод. Пламя под кожей погасло. Черные линии вен снова наполнились темной кровью. Девушка пошатнулась, оперлась рукой о горячую трубу и зашипела — ладонь оставила на металле глубокий черный ожог в форме человеческой пятерни.

Она посмотрела на свои руки. Кожа покраснела, как после сильного солнечного ожога, но пузырей не было. Более того... Кира перевела взгляд на свое плечо. Той рваной раны, что оставил вакуумный поцелуй твари, не существовало.

На месте глубоких борозд осталась лишь свежая, розовая, идеально гладкая кожа. Процесс регенерации занял меньше минуты. Боль от внутренних ожогов стихала, уступая место странной, звенящей ясности в голове.

Кира стояла посреди разгромленного машинного отсека, заваленного пеплом стоимостью в несколько жизней, среди оплавленных труб и собственной спасенной жизни, и ее начало мелко трясти. Не от холода. От понимания.

Империя охотится за аномалиями. За всем, что нельзя измерить, взвесить и поставить в стойло. Магов сжигают на площадях Технокульта. Мутантов с нижних уровней перерабатывают в биомассу для гидропонных ферм. То, что только что произошло, было не чудом спасения. Это был подписанный смертный приговор, заверенный печатью Императорской Канцелярии.

«Драконья девочка», — всплыло в памяти название из шепота бродячих торговцев, которые иногда проходили мимо их сектора. Городская легенда, страшилка для детей, чтобы те не уходили далеко от освещенных улиц. Сказка о ребенке беженцев, чья кровь загорелась во время Великого Смыва десять лет назад, уничтожив целый квартал Старого порта. Тогда власти списали всё на утечку экспериментального топлива.

Теперь сказка имела лицо. Лицо грязной, голодной сироты с окраин.

Нужно уходить. Прямо сейчас. Пока остаточное тепло

двигателей скрывает тепловой след, пока снег не занес пепел. Патрульные дроны класса «Стриж» имеют тепловизоры. Как только температура в остоле упадет до уличной, сенсоры зафиксируют аномальный скачок энергии. Служба Внутренней Безопасности будет здесь через пятнадцать минут. Они не станут брать ее живой для допросов. Зачем? Проще распылить сектор кассетными зажигательными бомбами и доложить об успешной ликвидации гнезда хтонических паразитов. Потеря одной никчемной сироты в отчетах даже не отразится.

Кира развернулась к техническому лазу. И замерла.

На снегу, прямо под срезом трубы, куда не доставал жар ее дыхания, темнело пятно. Маленькая лужица. Ее собственная кровь. Пара капля упала, когда взрывалась та внутренняя сверхновая.

Там, где красная жидкость соприкасалась со льдом, происходило невозможное. Лед не таял. Он *горел*. Капли прожгли сугроб насквозь, уйдя в мерзлую землю сантиметров на десять, образовав воронку с остекленевшими, покрытыми инеем краями. Сама кровь в лунном свете продолжала слабо мерцать темно-вишневым светом, словно уголек, присыпанный золой. Она не замерзала при минус тридцати градусах Цельсия.

Кира опустилась на колени, игнорируя предостерегающее шипение горячей трубы рядом. Она осторожно, кончиками пальцев, коснулась края остекленевшей воронки. Камень.

Спрессованный морозом и невероятной температурой шлак.

Если одна капля способна сделать это со льдом, то что может сделать литр? Что могут сделать сто литров, циркулирующие в теле взрослого человека?

Мысли путались, сталкиваясь друг с другом. Животный страх перед патрулями боролся с чем-то новым, древним и огромным, расправляющим крылья в самом основании ее черепа. Она всегда считала себя мусором, отходом производства Великой Империи. Девочкой, которую забыли подобрать. Но мусор не способен испарять чудовищ взглядом. Мусор не оставляет в земле кратеры глубиной в локоть.

Где-то высоко в небе, прорезая багровые облака, прошел первый разведывательный челнок. Его двигатели работали в беззвучном режиме, но инфракрасный сканер уже ошупывал руины Тракта Скорби. Искусственный интеллект на борту анализировал данные. Резкий пик температуры в секторе 4-Б. Пик длился сорок семь секунд. Температура в эпицентре превышала две тысячи градусов. Органических останков нет. Присутствие неизвестного энергетического феномена.

Челнок сделал вираж, беря курс на столицу. Пакет данных ушел по зашифрованному каналу связи. *Объект обнаружен. Тип сигнатуры: Феникс. Статус: Дикий. Местоположение: Нижний ярус, Тракт Скорби.*

Кира слышала далекий, нарастающий гул винтов. Настоящих вертолетов, старых армейских моделей, вооруженных роторными пушками. Звук эхом отражался от бетонных стен

мертвого города, становясь от этого вдвое страшнее.

Она заставила себя встать. Ноги дрожали от адреналинового отката. Каждый мускул болел так, будто она в одиночку разгрузила состав с рудой.

Бежать в другие трущобы бессмысленно — сеть информаторов Департамента Надзора пронизывает их быстрее разряды. Возвращаться в «Левиафан» — самоубийство, он теперь светится на всех радарх как новогодняя елка. Остался только Старый коллектор. Система канализации эпохи Первого Императора, затопленная радиоактивными водами Мертвых топей. Место, куда не спускаются даже мародеры. Шанс выжить там — один к тысяче. Смерть от лучевой болезни вместо смерти от огнемета штурмовиков. Выбор между быстрой казнью и медленным гниением заживо.

Кира поправила сумку с жалкими пожитками, перехватила гаечный ключ и шагнула из тени мертвого дирижабля в красный сумрак ночи.

Прежде чем окончательно скрыться в провале канализационного люка, она обернулась.

Остов «Левиафана» перестал быть просто куском мертвого металла. Багровое небо отражалось в его оплавленных боках, делая корабль похожим на тушу какого-то древнего левиафана, действительно истекающего кровью. Где-то там, внутри, на стене машинного отделения, ее огненное дыхание выжгло силуэт. Силуэт девушки, объятай пламенем, стоящей на коленях посреди ада. Рисунок получился четким,

анатомически точным, словно сделанный лазерным резцом.

Кира сжала кулак. Чувство скрытой силы никуда не ушло. Оно свернулось горячим змеем внизу живота, пульсируя в такт сердцу. Оно пугало до чертиков, но впервые за двенадцать лет она не чувствовала себя пустой.

Она скрылась во тьме коллектора ровно за секунду до того, как первая штурмовая группа десанта высадилась на крышу перевернутого корабля. Лучи мощных фонарей прорезали дым. Голоса в динамиках шлемов звучали отрывисто и профессионально: — Тепловой след остывает. Объект покинул зону. След ведет в ливневку. Третий уровень. Активируйте газ. — Принято. Напоминаю протокол: захват нежелателен. Феникс должен быть аннигилирован на месте. Император не любит диких богов.

Вода в коллекторе доходила Кире до колен. Она была маслянистой, желтоватой и светилась призрачным зеленым светом. Радиация должна была убить ее к рассвету. Но когда девушка случайно порезала руку о торчащую арматуру, рана затянулась на глазах, а вода вокруг пореза на мгновение вскипела паром, нейтрализуя излучение в радиусе ладони.

Она шла навстречу ядовитым туманам Мертвых топей, и каждый ее шаг оставлял в грязной воде крошечную, медленно гаснущую алую искру. Слухи полетят впереди нее. По проводам связи, из уст в уста забитых жизнью людей, через отчеты военных нейросетей. Огненная кровь на окраине. Девочка, родившаяся заново в пожаре собственного сердца.

Империя Вечной Ночи думала, что задавила последний свет своим бесконечным багровым небом. Она ошибалась. Свет просто спустился глубже под землю, научился принимать форму клинка, когтя и плазменного выдоха. И он был очень, очень голоден.

Глава 2. Аудиенция у Императора

Мертвые топи пахли разложением, серой и озоном. Кира шла по колено в черной жиже уже третьи сутки. Радиация Мертвых топей больше не жгла ее внутренности — она стала для девушки чем-то вроде приправы к скудной похлебке из пойманных мутировавших жаб. Каждый раз, когда холод пробирал до костей или желудок сводило от голода, Кира позволяла драконьей крови внутри себя едва заметно тлеть. Жар поднимался по венам, согревая тело лучше любой шубы, но плата за это тепло была жестокой: истощение накатывало волнами такой силы, что несколько раз девушка просто падала лицом в грязь, теряя сознание на добрые полчаса.

Она двигалась строго на запад, ориентируясь по мху, который рос только с северной стороны гниющих стволов исполинских деревьев-болотников. Пять лет назад, когда люди из Департамента Надзора забрали Игниса, они пришли именно со стороны Топей. Официальная версия гласила: эвакуация беспризорников в государственные приюты повышенной комфортности. Кира тогда спряталась в вентиляционной шахте «Левиафана», парализованная страхом перед патрулем. Она помнила лицо человека в черном плаще с серебряной руной СБ на воротнике. Он поднял на руки пятилетнего мальчика, который вырывался и звал сестру, и сказал: «У нее дефект метаболизма. У него — потенциал. Баланс

соблюден».

Баланс. Слово, после которого Империя Вечной Ночи обычно сжигала целые районы дотла.

На исходе четвертого дня болото начало редеть. Под ногами хрустел не лед, а идеально ровная брусчатка имперского тракта. Кира вышла прямо на блокпост Внешнего Периметра.

Здесь не было ржавых шлагбаумов и сонных солдат с дешевыми автоматами. Стена вырастала из тумана монолитной громадой черного обсидиана высотой в сорок метров. На ней не было ни единого шва. По граням стекали вниз голографические потоки данных: списки казненных изменников, биржевые котировки Титановых рудников и циклично повторяющееся лицо Императора Германа — суровое, высеченное из камня, с глазами цвета застывшей ртути.

Ее заметили мгновенно. Турели, замаскированные под горгулий, повернули свои фасеточные головы вслед за ней. Из тени караулки вышли двое преторианцев. Их броня класса «Экзарх» поглощала свет; казалось, что над землей парят лишь две пары красных визоров и вороненные стволы импульсных винтовок. — Стоять, аномалия, — голос прозвучал не изо рта солдата, а из внешних динамиков его шлема, искаженный вокодером. — Назови индекс метки. — У меня нет метки, — хрипло ответила Кира. Горло все еще саднило после плазменного выдоха в дирижабле. — Я пришла во дворец.

Преторианцы переглянулись. Отсутствие метки означало либо немедленный расстрел на месте как бродячего вируса, либо нечто настолько важное, что Департамент Внутренних Дел решил не пачкать руки сам. — Руки за голову. Медленно. Одно резкое движение, и мы выжжем тебе позвоночник через глазницы.

Кира подчинилась. Холодные манипуляторы сервисных дроидов обшарили ее тело, сканируя кости, химический состав пота и структуру ДНК. Когда лазерный луч сканера прошелся по ее шее, там, где пульсировала артерия, машина издала странный механический писк, похожий на изумление. — Субъект чист, — доложил один из солдат. — Но биоритмы... Это невозможно. Частота пульса соответствует человеку в состоянии глубокого сна, при этом мышечный тонус... — Пропустить, — раздалось сверху.

Голос был лишен всяких эмоций, принадлежа скорее машине, чем человеку. Участок стены беззвучно растворился, открывая проход.

Внутри периметра Империя Вечной Ночи выглядела иначе. Здесь царил вечный искусственный полдень. Небо закрывал купол из поляризованного стекла, сквозь который били лучи сотен прожекторов, имитирующих солнце. По широким проспектам скользили бесшумные магнитные мобили. Люди здесь носили белое и золотое, их лица были спокойны, а движения плавны. Никто не смотрел на Киру, хотя контраст между ее грязным, пропахшим болотной тиной ком-

бинезоном и стерильной роскошью столицы должен был резать глаза. Психоматрицы горожан фильтровали визуальный шум. Для них Киры просто не существовало.

Ее вели не в тюремный изолятор и не в допросную Службы Безопасности. Двери мобилия открылись прямо на площади Семи Шпилей, у подножия Императорского Дворца.

Здание давило своей массой. Оно не стремилось вверх, оно *расползлось* по земле, подобно спруту из черного мрамора и хрома. Миллионы окон отражали искусственное небо, создавая иллюзию бесконечного лабиринта. Киру провели внутрь без обыска. Коридоры дворца меняли геометрию прямо на глазах: стоило отвернуться от поворота, как стена смыкалась, открывая новый путь.

Тронный зал оказался неожиданно скромным. Огромное круглое помещение, освещенное мягким светом люминесцентных колонн. Никакого золота, никаких бархатных портьер — только холодный камень, стекло и воздух, густой от запаха озона и власти.

Император Герман сидел не на возвышении, а в центре зала, в кресле из прозрачного полимера, напоминающем каплю застывшей воды. Он был одет в простой угольно-черный мундир без знаков различия. Седые волосы коротко острижены. Морщины вокруг глаз говорили о возрасте далеко за семьдесят, но осанка оставалась прямой, как титановая балка. Его взгляд действительно походил на ртуть — тяжелый, подвижный и смертельно опасный.

Преторианцы остались за дверями. Кира сделала шаг вперед. Ее ботинки оставляли грязные следы на идеальном белом полу. — Садись, — Герман кивнул на такое же прозрачное кресло напротив. Голос правителя звучал тихо, но заполнял собой весь объем зала.

Кира осталась стоять. Сидеть в присутствии того, кто держит поводья всего континента, казалось ей формой предательства памяти родителей. — Меня зовут Кира. Вы вызвали меня из-за огня?

Герман позволил себе тень улыбки. Сухой, почти механической. — Огонь — это побочный эффект, девочка. Как копоть на трубе. Мы наблюдали за тобой двенадцать лет. Спутники фиксировали тепловой всплеск в день твоего рождения. Тогда списали на взрыв газопровода. Второй всплеск случился пять лет назад, когда ты пыталась голыми руками вскрыть дверь бронекарьеры Департамента, чтобы добраться до брата. Ты сломала себе лучевые кости обеих рук, но продолжала рвать сталь, пока не потеряла сознание от болевого шока. Кости срослись за ночь. Врачи списали это на чудо регенерации низших каст. Третий всплеск уничтожил хтоническую форму класса «Поглотитель» три дня назад. Чудеса закончились. Осталась физика.

Он поднялся. Его шаги не издавали звука. — Подойди сюда.

Кира медленно подошла. Император протянул руку. На его ладони лежал предмет, завернутый в черный шелк. Гер-

ман развернул ткань. Там покоился кусок оплавленного металла размером с ладонь. Черный базальт, покрытый сеткой трещин. Но трещины эти светились изнутри тусклым рубиновым светом. Тот самый уголек, в который превратилась кровь Киры на снегу. — Что это? — спросила она, чувствуя, как жар исходит от камня, заставляя ныть старые ожоги на ее собственных руках. — Это то, чем ты плюнула в Поглотителя, — ответил Герман. — Только теперь это твердая материя. Базальтовая печать. Температура кристаллизации твоей гемоплазмы превышает четыре тысячи градусов. При контакте с кислородом она выделяет чистый кислородный радикал, отсюда и вспышка.

Император взял камень другой рукой. Рубиновое свечение усилилось, реагируя на близость живого носителя. — В старых архивах, которые Церковь Истинного Прогресса объявила ересью тысячу лет назад, есть записи. До Эпохи Машин мир правил не людьми. Праматерия текла в жилах первых королей. Они называли себя Драконами. Не ящерицами с крыльями, дева. Дракон — это метафора абсолютной алхимии. Способность превращать собственную жизненную силу в чистую энергию творения или разрушения. Кровь кипит быстрее мысли.

Он подошел вплотную. От него пахло озоном, старым пергаментом и чем-то металлическим. — Твои родители не погибли при обрушении Гамма-7. Обрушение инсценировал я. Твой отец, Элиан, был последним прямым потомком ро-

да Солнечного Пика. Хранителем Первородного Пламени. Твоя мать происходила из линии Ледяных Змей Багрового Заката. Их союз был невозможен. Смешение двух враждующих стихий должно было убить их при зачатии ребенка. Но они рискнули. И природа выбрала тебя. Ты — катализатор, Кира. Живая печь. То, что проснулось в тебе сейчас — это лишь искра. Если ты научишься управлять этим даром, ты сможешь испарить океан или вырастить лес посреди пустыни за одну ночь. Если потеряешь контроль — соришь сама, превратив половину материка в стеклянную пустошь.

Слова падали свинцовыми гирями. Родители — не пьяные инженеры-неудачники, погибшие по глупости. Наследие. Древняя магия. Дар, который звучит как проклятие. — Зачем вы мне это рассказываете? — голос Киры дрогнул. — Чтобы я встала в строй ваших цепных псов? Или чтобы вы могли изучить мой пепел? — Затем, что твой дар бесполезен без дисциплины, — жестко отрезал Герман. — Сейчас твоя сила работает только на адреналине. Страх смерти открывает заслонку. Настоящий Дракон убивает одним ударом сердца, сохраняя полное спокойствие. Но есть и вторая причина. Та, по которой я позволил тебе жить в грязи все эти годы вместо того, чтобы забрать в Коллегию сразу.

Император вернулся к своему креслу. Достал из скрытой панели стола инфопланшет, коснулся сенсора. В воздухе между ними повисла трехмерная проекция карты Восточного Архипелага. Красные штриховки обозначали зоны ак-

тивных боевых действий. — Пять лет назад, когда мои люди забрали твоего брата, баланс сил изменился. Империя Багрового Заката узнала о нем. Мальчик унаследовал материнскую линию. Он не умеет дышать огнем, зато он может останавливать время в радиусе ста метров. Замораживать кинетическую энергию. Идеальное оружие сдерживания. Три месяца назад Багровый Закат нарушил перемирие. Они применили орбитальную станцию «Голгофа». Южный фронт пал. Мой флот разбит гравитационными аномалиями. Мы проигрываем войну, Кира. Через полгода их войска перейдут Стылые горы и войдут в столицу. Мне нужен ключ к активации Орудия Эха.

— Какое отношение к этому имею я? — глухо спросила Кира. Внутри все оледенело. Значит, Игнис не в уютном приюте. Он на войне. Оружие. — Прямое, — Герман положил планшет. — Орудие Эха — это древний механизм, встроенный в ядро планеты. Чтобы запустить его, нужна Печать Крови уровня Альфа. Чистая линия одного из Двадцати Кланов. Линия твоего отца прервалась на тебе. Но если смешать твою кровь — пламя созидания — с кровью твоего брата — стазис времени — произойдет аннигиляция, способная разорвать саму ткань реальности. Этого хватит, чтобы уничтожить «Голгофу» вместе с половиной лунной орбиты. Проблема в том, что твой брат находится в Цитадели Неприкосновенных, глубоко в тылу врага. А единственный человек, который знает обходные пути туда, ненавидит меня лично.

Герман нажал кнопку на подлокотнике. Стена позади кресла Императора ушла в сторону. — Тебе нужны учителя. Те, кто понимает природу Праматерии не как набор химических формул, а как искусство. Моя армия даст тебе транспорт. Моя разведка проложит маршрут. Но входить в клетку с тигром ты будешь одна. Правила Коллегии неизменны веками. Они не служат короне. Они служат Равновесию. Если Глава Коллегии сочтет тебя недостойной, он убьет тебя на пороге. Никаких императорских указов. Только сталь и кровь.

Кира смотрела на проем в стене. Там начинался узкий мост из темного стекла, ведущий к отдельно стоящей башне, пронзающей даже фальшивое солнце искусственного неба. Башня не имела видимых дверей. — Кто там? — спросила она. — Магистр Вороний Клюв, — ответил Герман. — Старейший из живущих. Ему тысяча двести лет, и он помнит времена, когда драконы еще умели любить, а не только выжигать. Он возненавидел моего прадеда за то, что тот загнал последних свободных элементарей в реакторы Первой Станции. Если ты проявишь слабость, сентиментальность или жажду мести — он переломает тебе хребет и бросит мясо моим кибер-псам. Соберись. Перед входом в Коллегию сбрасывается вся внешняя защита. Вся моя гвардия останется здесь. Ты поняла?

Кира посмотрела на свои руки. Грязь болот въелась под ногти. Комбинезон превратился в лохмотья. Она сирота с

окраины, которая вчера впервые сожгла живое существо. Теперь Император самой могущественной державы мира просит ее спасти этот мир, предлагая взамен надежду вытащить младшего брата из лап вражеской разведки. — Я поняла, — сказала она.

— Умница, — Герман кивнул. — Иди. И запомни главное правило драконьей крови: гнев делает тебя быстрой, ненависть — сильной, но выживают только те, кто способен чувствовать холод. Держи свой внутренний огонь на расстоянии вытянутой руки от собственного сердца.

Он махнул рукой. Динамик в потолке щелкнул: — Открыть коридор Прима. Код «Феникс-Девять».

Стеклянный мост пришел в движение, выдвигаясь навстречу башне. Кира сделала первый шаг. Каблуки ее тяжелых ботинок цокали по стеклу гулко и одиноко. Ветер на высоте бил в лицо, пытаясь сбросить вниз, в бездну дворцового парка.

Чем ближе она подходила к башне, тем отчетливее ощущала давление. Воздух густел, становился вязким, как смола. Это не было похоже на работу генераторов. Это была чистая биология — здание дышало, и дыхание это было древним, голодным и оценивающим.

Когда до входа — гладкой, абсолютно черной поверхности башни — осталось десять шагов, Кира почувствовала запах. Озон, сухая пыль веков и медь свежей крови. Черная поверхность пошла рябью. Пространство исказилось, скла-

дываясь в человеческий силуэт. Фигура выступила из камня, словно рождаясь из него.

Это был старик. Абсолютно лысый, с кожей, покрытой сложной сеткой татуировок, которые шевелились при каждом движении мышц. Вместо левого глаза у него сиял желтый кристалл, вставленный прямо в глазницу. Он был одет в мантию из переплетенных человеческих костей, скрепленных сухожилиями. В правой руке старик держал посох, увенчанный черепом существа, которое Кира никогда раньше не видела — смесь птицы и глубоководной рыбы.

Магистр Вороний Клюв остановился в метре от края моста. Он не склонился перед вышедшей ему навстречу девушкой. Напротив, он тяжело оперся на посох, рассматривая ее так, как мясник рассматривает тушу сомнительного качества. — От тебя воняет мертвечиной и отчаянием, — произнес он голосом, похожим на скрип несмазанных шестеренок. — Император прислал мусор. У тебя зрачки расширены от страха, пульс скачет, а уровень кортизола в крови мог бы отравить акулу. Ты не дракон. Ты напуганная девчонка, которую скоро вырвет от высоты.

Кира сжала кулаки. Жар привычно начал подниматься к плечам. Лицо старика раздражало ее сильнее, чем голод. — Если я мусор, зачем ты вышел встречать меня лично? — процедила она. — Мог бы просто сбросить меня вниз своим криком.

Желтый кристаллический глаз моргнул. Уголки губ стари-

ка дернулись в подобии усмешки. — Смелость хороша против бандитов в переулках. Против первородной стихии смелость сгорает первой. Посмотри на свою руку.

Кира опустила взгляд. Ее пальцы дрожали. Мелкой, неконтролируемой дрожью переутомления. — Я смотрю. — Нет, — отрезал Вороний Клюв. — Ты боишься посмотреть. Боишься увидеть, что под ногтями у тебя не просто грязь, а трупный яд Мертвых топей. Что твои легкие забиты спорами плесени. Что твой организм держится только на чистом упрямстве и выбросах адреналина, которые разрушают твои митохондрии. Ты хочешь спасти брата? Прекрасно. Но какой толк спасать родственника тому, кто развалится на куски от сердечного приступа через час пути?

Старик резко взмахнул посохом. Кира инстинктивно отшатнулась, выставив руки вперед, готовая выпустить струю плазмы. Воздух между ней и стариком замерцал. Проекция.

Перед Кирой возникла картина: тренировочная арена, засыпанная пеплом. На арене стоит мальчик лет десяти. На нем нет одежды, кожа испещрена свежими ожогами. Перед мальчиком висит раскаленный докрасна металлический шар. Ребенок плачет от боли — ладони прижаты к шару, плоть шипит и пузырится — но не отпускает его. Время вокруг замедляется. Снежинки пепла, падающие сверху, замирают в воздухе. Шар перестает излучать жар. Мальчик открывает глаза. Его зрачки полностью белые, похожие на замерзшее молоко. — Это твой брат Игнис сегодня утром,

— спокойно сказал Вороний Клюв. — Инквизиторы Заката тренируют его ломать законы термодинамики. Каждый день они выжигают его нервные окончания, чтобы расширить предел заморозки. Еще год таких процедур, и его мозг превратится в идеальный квантовый процессор. Он забудет твое имя. Он станет статуей, умеющей считать траектории ракет.

Изображение исчезло. Кира пошатнулась. Земля ушла из-под ног. Ей показалось, что башня накренилась. Весь гнев, вся ярость на Императора, на судьбу, на эту проклятую кровь — всё это рухнуло, обнажив голое, зияющее отчаяние. Слезы сами брызнули из глаз. Она закрыла лицо руками, плечи затряслись в беззвучных рыданиях.

Вороний Клюв терпеливо ждал, опираясь на череп-фишку. Желтый глаз изучал каждую слезинку, катящуюся по щеке девушки. — Вот, — удовлетворенно кивнул старик. — Наконец-то.

Кира подняла на него мокрое, опухшее лицо, ожидая удара или насмешки. — Почему... почему ты доволен? — выдавила она. — Потому что плакать полезно для гидратации тканей, — ворчливо ответил Магистр. — И потому что настоящий огонь вспыхивает не от злости. Он вспыхивает от любви. А любовь всегда уязвима. Запомни этот момент, дева. Эту боль в груди, эту слабость в коленях. Это единственное, что удержит тебя от превращения в сверхновую звезду, когда ты увидишь тех, кто сделал это с твоим братом. Жа-

лость к себе сожжет тебя дотла. Любовь к нему — сделает неуязвимой.

Он перехватил посох удобнее. — А теперь слушай внимательно, Феникс. Я не беру учеников. Я беру инструменты. Твоя кровь слишком нестабильна. В ней намешано Солнце и Бездна. Если я начну учить тебя классическим дыхательным техникам контроля, твой костный мозг расплавится. Поэтому учиться мы будем иначе.

Вороний Клюв ударил посохом о край стеклянного моста. Раздался звук, с которым рвется само пространство. Стекло не разбилось. Оно просто перестало существовать. Мост оборвался в никуда.

Кира вскрикнула, хватаясь за воздух, и полетела вниз, навстречу далеким шпилям дворцового парка. Время растянулось. Ветра не было. Мир вокруг стал тягучим. Кира увидела, как внизу стремительно приближаются кроны черных деревьев. Она зажмурилась, ожидая удара, который превратит ее внутренности в кашу.

Но удара не последовало. Открыв глаза, она обнаружила, что висит в пяти метрах над землей. Просто висит в воздухе, нелепо раскинув руки. Гравитация игнорировала ее. — Поздравляю, — прогремел сверху голос Вороньего Клюва. Старик стоял на краю обрыва, глядя на нее вниз. — Первый урок пройден. Твой инстинкт самосохранения сработал быстрее паники. Ты остановила свое падение силой воли, даже не понимая, как это делаешь. Это наследие матери. Стазис лич-

ного поля.

Старик плавно спустился вниз, идя по воздуху, как по лестнице. — Добро пожаловать в Коллегию Кровавых Печатей, дева. Здесь нет классов. Нет парт. Есть только полигон. И первое задание будет простым. Видишь ту гору? — он указал куда-то вдаль, где за чертой города возвышался действующий вулкан, чье жерло источало постоянный столб оранжевого дыма. — Император хочет, чтобы ты помогла ему выиграть войну. Я хочу, чтобы ты прежде научилась не сгорать. Поднимись на вершину Эльбруса. Пешком. Без еды. Используя только тот огонь, что течет в тебе, чтобы не замерзнуть ночью. Если ты сорвешься — разобьешься. Если попытаешься взлететь сознательно — я собою тебя молнией. Если твой огонь выйдет из-под контроля и начнется лесной пожар — я утоплю тебя в лаве. У тебя неделя.

Кира все еще висела в воздухе. Чувство подвешенности вызывало тошноту. — А если я откажусь? — спросила она. — Тогда я отпущу нить, — пожал плечами Вороний Клов. — И мы вернемся к варианту с Императорскими псами. Хотя, признаться, смотреть на лепешку аристократичнее, чем слушать скулеж неудачницы.

Магистр щелкнул пальцами. Невидимая опора под спиной Киры исчезла. Она рухнула вниз, больно приложившись бедром о камни. Вороний Клов развернулся. Его фигура снова начала истончаться, сливаясь с фасадом башни. — Ах да, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Совет. Ко-

гда полезешь в гору, следи за левой пяткой. У тебя там старая трещина в плюсневой кости, полученная еще в коллекторе. Если она воспалится от нагрузки, ты потеряешь равновесие на леднике. Драконы тоже ломают ноги, детка. Разница лишь в том, что обычные люди при этом кричат, а драконы — взрываются.

Его слова эхом отразились от склонов. Кира осталась одна на лужайке перед мертвым дворцовым садом. Где-то высоко, в окне одной из тысяч комнат Игнис, возможно, прямо сейчас прижимал ладони к очередному раскаленному металлу, считая секунды до потери сознания.

Кира села, подтянула колени к груди и посмотрела на север, где дыбился белый конус вулкана. Семь дней. Шестьсот километров по пересеченной местности. Она разжала левый кулак. На ладони, среди мозолей и въевшейся грязи, слабо пульсировал маленький осколок базальта — запекшаяся капля ее собственной крови, упавшая во время демонстрации Императора. Камень был теплым.

Кира спрятала его за щеку, как делали бродяги с монетами, чтобы их не украли во сне, поднялась на ноги и сделала первый шаг прочь от столицы, навстречу огню, льду и собственному будущему. За ее спиной невидимые механизмы дворца начали задвигать массивные плиты стен, отсекая Коллегию от остальной Империи. Прием был окончен. Начиналась работа.

Глава 3. Коллегия Кровавых Печатей

Вулкан Эльбрус не прощал ошибок. Кира поняла это на вторые сутки восхождения, когда внезапный выброс пирокластического газа сорвал с ее лица кусок кожи вместе с бровью. Боль была мгновенной и острой, но драконья кровь отреагировала быстрее разума: капилляры под поврежденным участком вспыхнули, испепелив инфекцию и нарастив новый слой эпидермиса прямо на ходу. К вечеру третьего дня левая половина ее лица представляла собой лоскутное одеяло из свежей розовой плоти и старых ожогов.

Гора испытывала ее не только огнем. На высоте пяти тысяч метров воздух исчез. Легкие горели так, словно она вдыхала толченное стекло. Каждый шаг по леднику требовал усилий, сопоставимых с подъемом рояли по лестнице. Здесь, среди вечных ветров и слепящего белого безмолвия, внутренний огонь перестал быть оружием. Он стал единственным способом выжить.

Кира научилась спать, свернувшись клубком внутри неглубокой ямы, которую вытапливала собственным телом в многометровом льду за три часа до рассвета. Она питалась тем, что могла расплавить — кусками серы, богатой микроэлементами, и редкими лишайниками, которые предвари-

тельно превращала в уголья на собственной ладони, выжигая токсины. Голод притупился, превратившись в постоянный фоновый гул. Главным врагом стала тишина. В абсолютном беззвучии заснеженных пиков разум начинал играть с ней злые шутки, подсовывая голос Игниса, зовущего на помощь откуда-то из-под толщи наста.

На седьмой день, когда кожа на руках пошла глубокими трещинами от обезвоживания, а суставы пальцев перестали гнуться, она увидела стены.

Коллегия Кровавых Печатей не стояла *на* горе. Она сама была горой. Древняя крепость выросла из базальтового пика неправильной, асимметричной формой, нарушающей все законы архитектуры. Башни изгибались под невозможными углами, грозя обрушиться в пропасть, но вековые чары удерживали камень лучше стальной арматуры. Стены были черными от копоти тысячелетних пожаров, но местами этот налет отслаивался, обнажая красный песчаник, который слабо пульсировал в такт подземному дыханию вулкана.

У главных ворот не было стражи. Не было даже самих ворот — лишь арка высотой в двадцать человеческих ростов, обрамленная черепами существ, которых эволюция давно исключила из своих списков. Когда Кира, пошатываясь, ступила под своды этой арки, температура вокруг нее резко упала. Ледяной холод пробрал до костей, мгновенно покрыв инеем ее грязные волосы. Внутренний огонь панически дернулся, пытаясь согреть тело, но наткнулся на невидимую сте-

ну. Магия коллегии подавляла пламя извне. — Ты опоздала на четырнадцать минут, — раздался сухой, лишенный эха голос.

Из тени выступил человек. Если Вороний Ключ выглядел как ожившая анатомическая модель, то Ректор Коллегии казался просто... стертым. Мужчина неопределенного возраста в бесформенной мантии цвета пепла. Его лицо было абсолютно непримечательным, таким, которое забываешь через секунду после того, как отведешь взгляд. Единственной запоминающейся деталью были его руки — они были красными. Не обожженными, а именно красными, словно он часами держал их в бочке с краской или свежим мясом. — Я шла пешком, — прохрипела Кира. Ее голос звучал каркающе, горло пересохло настолько, что слова царапирали связки. — У меня не было гравитационных ботинок Императора. — Оправдания — это привилегия живых, — равнодушно ответил Ректор. — Мертвым мы даем только статистику. Следуй за мной. И постарайся не истекать кровью на мрамор. Старейшины ненавидят пятна.

Пол внутреннего двора действительно был выложен идеально ровными плитами черного обсидиана. Но присмотревшись, Кира заметила, что плиты едва заметно дышат. Они сокращались и расширялись, подобно диафрагме гигантского зверя. Это был не камень. Это была окаменевшая чешуя чего-то колоссального, спящего глубоко под фундаментом крепости.

Они прошли через пустой атриум. Звук шагов тонул в пространстве, хотя акустика зала должна была множить их эхом десятки раз. Тишина здесь имела вес. Она давила на плечи, заставляя сутулиться. Коридоры освещались не факелами и не лампами. С потолка свисали коконы из полупрозрачной мембраны, внутри которых билось багровое сердце размером с человеческую голову. Каждое сокращение сердца заливал коридор тусклым светом запекшейся крови.

Ректор остановился перед массивной дверью из зеленой меди. На поверхности металла не было ни ручек, ни замочных скважин. Только сложный геометрический узор, напоминающий кровеносную систему. — Первый обряд Коллегии называется «Признание Плоти», — произнес учитель, не поворачиваясь к Кире. — Мы не принимаем учеников. Мы признаем равных. Равенство доказывается способностью отдать часть себя самой стихии и не умереть от потери. Император считает тебя оружием. Мы должны выяснить, живая ли ты еще женщина.

Он положил ладонь на центр узора. Дверь отозвалась низким гулом. Медные жилы начали наполняться светом, перетекая друг в друга, пока вся дверь не запылала густым рубиновым сиянием. Металл пошел волнами, теряя твердость, превращаясь в подобие густой ртути. — Разденься, — бросил Ректор. — Догола. Украшения, нити, грязь — всё должно остаться снаружи. Твое тело — это первый холст.

Кира замешкалась лишь на долю секунды. За последние

годы стыд атрофировался вместе с жировыми отложениями. Она сбросила остатки своей одежды — превратившиеся в лохмотья штаны и куртку, пропахшую потом и гарью. Холод обжег кожу, но она привычно задавила желание призвать тепло. Правила игры нужно принимать сразу.

Обнаженная, худая, покрытая сеткой шрамов от кислотных дождей и заживших переломов, она шагнула сквозь жидкую медь двери.

За порогом оказалась пещера. Огромная сферическая полость, свод которой терялся во мраке. Пол пещеры представлял собой идеальный круг из белого алебастра. В центре круга стоял каменный алтарь, выдолбленный из цельного кристалла соли. А над алтарем, паря в воздухе вопреки законам физики, висела Печать.

Она выглядела как плоский диск диаметром около метра, состоящий из переплетения тончайших золотых нитей. Нити вибрировали, издавая звук на грани слышимости — похожий на звон комариных крыльев или далекую работу телеграфа. Внутри этого золотого каркаса плескалось нечто, похожее на ртуть, но темно-вишневого, почти черного цвета.

Кровь. Первородная кровь Праматерии. — Подойди к алтарю, — приказал Ректор. Он вошел следом, и золотая нить щелчком отделилась от общей массы, метнувшись к двери. Проход запечатался. Теперь они были заперты втроем: она, старик и висящая в воздухе смерть.

Кира подошла. Белый мрамор пола оказался ледяным.

Стоять босыми ногами на нем было пыткой. — Левую руку, ладонью вверх, — скомандовал Ректор. — Над центром алтаря. Локоть ровно. Спина прямая. Если дрогнешь — лезвие пройдет сквозь сустав. Если сожмешь кулак — давление разорвет твои сосуды изнутри.

Кира выполнила приказ. Она вытянула руку над белой солью. Запястье начало мелко дрожать от напряжения и холода. Ректор сделал пасс рукой. Золотые нити Печати пришли в движение. Они сплелись в сложную воронку, которая опустилась вниз, окружив кисть Киры светящимся нимбом. Девушка почувствовала покалывание — слабое, почти приятное. — Это контур безопасности, — пояснил Ректор. — Он будет удерживать твою гемоплазму, когда сосуд даст течь. Без него твоя рука превратится в туман за миллисекунды. Готова? — Делай, — выдохнула Кира.

Ректор взял со стоящего рядом столика ритуальный нож. Рукоять из человеческой кости, лезвие из вулканического стекла. Острое настолько, что преломляло свет, разбивая его на радугу. Он подошел вплотную. Кира видела свое отражение в черной глубине клинка. Бледная, истощенная девочка с лицом, наполовину съеденным горным газом. Жалкое зрелище. — Помни, — прошептал Ректор ей на ухо. — Страх заставляет кровь бежать быстрее. Быстрая кровь взрывается. Дай мне спокойную каплю.

Лезвие коснулось мякоти большого пальца левой руки. Давление было микроскопическим. Разрез.

Первая капля выступила медленно, наливаясь тяжелой рубиновой силой. Кира смотрела на нее, стараясь дышать ровно. Вдох. Выдох. Сердце замедляло ритм, подчиняясь воле, а не инстинкту самосохранения. Капля набухла, оторвалась от края пальца и полетела вниз.

Как только первая частица драконьей крови соприкоснулась с золотой нитью Печати, магия перестала быть вежливой.

Золото взвыло. Звук перешел в ультразвуковую вибрацию, от которой затрещали кости черепа Киры. Черная субстанция внутри каркаса вздулась пузырем и рванулась вверх, навстречу падающей капле. Слияние произошло беззвучно. Капля не просто упала на печать — она всосалась в золотую сеть, растекаясь по нитям ослепительной вспышкой.

И тогда боль нашла Киру.

Это не было похоже на ожог. Жжение — это реакция нервных окончаний. То, что происходило сейчас, было переписыванием самого кода ее существования. Багровый огонь ударил не по коже. Он ударил по костному мозгу.

Каждая клетка ее тела внезапно осознала себя отдельно. Лейкоциты взбунтовались. Эритроциты попытались покинуть кровеносное русло, прожигая стенки вен. Огонь хотел вырваться наружу не через поры, а через глазницы, через уши, разрывая мягкие ткани. Кира закричала, но звука не вышло — спазм перехватил гортань. Тело выгнуло дугой так, что захрустел позвоночник.

Печать ответила. Золотые нити впились в ее запястье, прошивая плоть насквозь, пригвоздив руку к соляному алтарю. Но вместо боли от стальных игл Кира почувствовала обратную тягу. Алтарь начал пить. Белая соль почернела, впитывая не только вытекающую из пореза кровь, но и самую жизненную силу девушки. Зрение сузилось до точки. В ушах зазвенело. Она чувствовала, как пустеет грудная клетка.

«Вот оно, — отстраненно подумала где-то на краю угасающего сознания. — Вот почему они называют печати кровавыми. Потому что они берут больше, чем отдают».

Перед глазами поплыли образы. Не ее воспоминания. Чужие. Мужчина в бронзовых доспехах стоит посреди горящего города. Он смеется, протягивая руки к небу, а с его пальцев срываются молнии, сотканые из чистой крови. Женщина с кожей цвета индиго танцует на глади океана, и вода вскипает следом за ее стопами, поднимая облака пара в форме фениксов. Тысячи лиц. Сотни эпох. Все они кричали одним голосом — голосом невыносимого восторга творения и разрушения.

А затем пришла вторая волна. Ответный удар. Черная субстанция внутри Печати сменила цвет. Из мертвой вишневой она стала цветом живого, яркого рубина. Золотые нити потускнели, уступая место раскаленному добела каркасу. Энергия, накопленная поколениями убитых здесь претендентов, рухнула обратно в тело Киры.

Но вошла она не хаотично. Поток плазмы прошел по ка-

налам, которые только что прорубило в ее ауре лезвие ножа. Боль схлопнулась, трансформировавшись в чистую мощь.

Кира открыла глаза. Ее радужки снова пылали, но теперь в них не было безумия пожара в дирижабле. Там плясала математика. Четкая, смертоносная геометрия взрыва. Ее левая рука все еще была пришпилена к алтарю золотыми гвоздями, но теперь эти гвозди не пили ее жизнь. Они синхронизировались с ее пульсом. Каждая золотая жила на полу, уходящая куда-то в фундамент горы, начала светиться в такт ее сердцу. Коллегия признавала новый узел в своей сети.

Тело Кире оторвалось от пола. Невидимая сила подняла ее в воздух на полметра. Волосы встали дыбом, рассыпавшись в темноте белым ореолом. Белая туника, которую кто-то успел накинуть на ее плечи (она не помнила, когда потеряла остатки старой одежды), затлела по краям, не сгорая. — Частота гармонизации восемьдесят два герца, — сухо констатировал голос Ректора откуда-то снизу. — Резонанс отличный. Обычно у новичков сорок. Ты чуть не разрушила северное крыло цитадели своим откатом. Поздравляю. Ты выдержала инициацию.

Золотые иглы вышли из ее плоти так же плавно, как вошли. Кира рухнула на колени на теплый теперь мрамор. Мышцы отказывались держать вес. Перед глазами все плыло, но голод, мучивший ее неделю, исчез. Вместе с литрами потерянной крови она получила инъекцию концентрированной энергии. Ей казалось, что она может голыми руками

остановить лавину.

Ректор подошел ближе. В руках у него была простая керамическая пиала, полная какой-то густой, дымящейся жидкости. — Выпей. Это козья кровь с толченым гематитом. Нужно восполнить объем, иначе завтра твой мозг усохнет.

Кира взяла чашу непослушными пальцами. Жидкость была теплой, металлической и отвратительной на вкус, но она пила ее жадно, проливая черные капли на подбородок. — Что... что теперь? — спросила она, отдышавшись. Голос вернулся, хоть и звучал низко, с легкой хрипотцой. — Я ученица? — Ты кандидат, — поправил Ректор. Он достал из складок мантии тонкий серебряный стилус. — Инициация дала тебе доступ к нервной системе Коллегии. Теперь ты можешь чувствовать других носителей дара. Но статус ученицы нужно заслужить делом. Традиция требует подписи.

Он указал стилусом на свободный участок внутренней стороны ее левого предплечья. — Какая подпись? — не поняла Кира. — Своя собственная, идиотка, — впервые за все время в голосе Ректора проскользнуло подобие раздражения. — Имя. Чтобы мы знали, кого списывать в утиль, если ты взорвешься на полигоне. Протяни руку.

Кира повиновалась. Она положила левую руку на холодный край алтаря. Ректор занес стилус. Кончик серебра начал светиться бледным огнем. — Закрой глаза. Не сопротивляйся. Просто позволь имени написать себя.

Холодное серебро коснулось кожи. Ожидание боли заста-

вило Киру напрячься, но касание оказалось прохладным и успокаивающим. Вместо жжения она почувствовала странное тянущее ощущение под кожей. Словно кто-то проводил мягкой кистью по мышцам. Стилус не царапал плоть. Он рисовал светом, и этот свет оставался внутри. Буквы формировались сами собой, сплетаясь из тончайших нитей, которые навсегда встраивались в ее подкожную структуру. Это было не татуировка. Это было клеймение души.

Процесс занял меньше минуты. Когда Ректор убрал стилус, кожа на руке Киры была абсолютно чиста. Ни единого следа вмешательства. — Теперь смотри, — сказал он.

Кира поднесла руку к лицу и напрягла мышцы. Внутренняя сторона предплечья вспыхнула. Багровые буквы проступили сквозь плоть, став видимыми на долю секунды, чтобы тут же снова скрыться под кожей, оставив лишь легкое мерцание сосудов. Кириллический шрифт, острый, угловатый, похожий на росчерк когтя: *КИРА*.

Рядом с именем, чуть ниже локтевого сгиба, зажглась маленькая сложная руна — личный идентификатор, присвоенный системой Коллегии. — Добро пожаловать, Девятый Клинок, — Ректор отвернулся, потеряв к ней всякий интерес. Его внимание переключилось на Печать, которая продолжала медленно вращаться над алтарем, теперь уже излучая ровное, умиротворенное тепло. — Первая ступень обучения начинается через шесть часов. Рекомендую найти столовую. После интеграции с сетью твой метаболизм ускорит-

ся вдвое. Если не съешь целого барана, начнешь переваривать собственную селезенку. Выход там.

Он махнул рукой в сторону открывшегося в стене прохода. — Погоди, — Кира с трудом поднялась на ноги. Земля слегка качалась, но слабость отступала с каждой секундой. — Кто такие остальные Клинки? Сколько нас? — Нас девять, — бросил Ректор через плечо, растворяясь в тенях пещеры. — Было десять. Одиннадцатый убил Девятого вчера утром на дуэли из-за порции пудинга. Осторожнее в коридорах, новенькая. Старшие ученики любят проверять прочность первогодок. Учитывая твою родословную, они попытаются сломать тебе хребет раньше, чем ты успеешь представиться.

Дверь за ним закрылась. Кира осталась одна в пещере Посвящения.

Она посмотрела на свои ладони. Затем на руку, где под кожей спало ее имя. Коллегия приняла ее не как изгнанницу с окраин Империи. Для этих стен она была ресурсом. Редким, нестабильным, чудовищно опасным элементом, который нужно либо ограничить, либо уничтожить.

Запах соли, озона и древней пыли щекотал ноздри. Где-то глубоко внизу, под фундаментом, заворочался Каменный Левиафан, ощутив приток новой, горячей крови в свою кровеносную систему. Кира расправила плечи. Неделя на склонах вулкана выжгла из нее остатки детской мягкости. Взрыв в дирижабле уничтожил страх смерти. А белый алтарь только что забрал последнюю иллюзию о том, что она — обыч-

ный человек.

Она вышла в коридор. Золотые светильники-сердца пульсировали в такт ее шагам. Крепость жила ею. Каждый удар ее пульса отдавался легким эхом в черных стенах.

Первый коридор вывел ее в широкую галерею. Здесь шумела жизнь, если бесконечную, изнурительную бойню можно было назвать жизнью. Пространство напоминало смесь римского Колизея и операционной. На песчаных аренах, залитых красным песком, сцепились двое подростков лет шестнадцати. Их тела смазывались в полосы — скорость движения превышала возможности человеческого зрения. Воздух шипел там, где проходили их удары, разрезающие молекулы кислорода. Кира рефлекторно прижалась к стене, активируя внутреннее зрение. Она видела их энергетические узлы: один работал на чистом адреналине, его каналы были воспалены и перекручены, второй двигался экономно, используя гидравлику собственного тела для усиления ударов.

— Новенькая! — крикнули сверху.

Кира подняла голову. По периметру галереи шли деревянные ярусы, забитые учениками. Десятки лиц — разных рас, возрастов и степени увечности — смотрели на нее с одинаковым выражением скучающего любопытства. Для них она была развлечением в перерыве между спаррингами. Один из парней, сидевший на перилах прямо над ней, лениво сплюнул вниз. Слюна не долетела, испарившись в сантиметрах от головы Киры — защитное поле Коллегии жестко фильтро-

вало биологические отходы. — Говорят, Вулкан пропустил тебя без единой судороги, — оскалился парень. У него не хватало трех передних зубов, а через левую щеку проходил старый шрам от когтей. — Вранье. Вулкан пропускает всех, кто приносит достаточно мяса для Льва. Вопрос лишь в том, останешься ли ты целой.

Он спрыгнул вниз. Высота в пять метров не причинила ему никакого неудобства. Он приземлился в песок, подняв облачко пыли. Был он огромен — гора мышц, перевитых синими венами, которые пульсировали в такт какому-то внутреннему ритму. — Меня зовут Торн. Я Третий Клинок. Проверка иерархии обязательна. Правило первое: новички ползают. Поклонись.

Торн улыбнулся, предвкушая легкую забаву. Остальные зрители зашумели, делая ставки. Кира посмотрела на свои руки. Кожа все еще пахла озоном после инициации. Она чувствовала каждую песчинку на полу, каждый сквозняк в вентиляции, биение сердец тех, кто сидел на трибунах. Мир стал громче, резче и бесконечно понятнее. Она не двинулась с места. — У меня нет времени на ваши игры, — спокойно сказала Кира. — Ректор велел мне найти столовую. Мой баран меня ждет.

Улыбка сползла с лица Торна. Скучающее любопытство толпы сменилось хищным напряжением. Третий Клинок против Феникса с окраин. Хорошее начало вечера. — Ты глухая? — процедил он и бросился вперед.

Его скорость была впечатляющей. Он преодолел разделявшие их десять метров за доли секунды, заноса правый кулак для удара, способного вбить Киру в песок по пояс.

Кира сделала шаг в сторону. Не назад, уклоняясь, а именно в сторону, заходя ему в фланг. Движение было простым, бытовым, лишенным всякого боевого пафоса. Торн пролетел мимо. По инерции его развернуло. Он ударил ногой по песку, гася импульс, и снова ринулся в атаку, на этот раз используя низкий выпад, пытаясь подсечь ей ноги.

Кира подпрыгнула. Не высоко — всего на пару десятков сантиметров, оттолкнувшись от песка с такой силой, что на месте ее опоры остался кратер глубиной в ладонь. Этого хватило, чтобы пропустить удар под собой. В воздухе она перевернулась. Время для нее снова начало растягиваться — наследие матери-Заката проснулось само собой, реагируя на угрозу. Она видела, как медленно движутся мышечные волокна на спине Торна, как собирается энергия для следующего рывка.

Она приземлилась ему за спину. Прежде чем великан успел обернуться, Кира нанесла один короткий, точный удар. Не кулаком. Основанием ладони. Прямо в точку между лопатками, туда, где сходятся нервные окончания, управляющие диафрагмой. Воздух с мерзким звуком вышел из легких Торна. Великан замер, хватая ртом вакуум. Его колени подогнулись. Он упал лицом в красный песок, судорожно пытаясь вдохнуть.

Кира перешагнула через его обмякшее тело, даже не удостоив взглядом. Толпа наверху разочарованно загудела — избиение длилось слишком недолго. Кто-то швырнул в нее яблоком. Фрукт ударился о защитный барьер и стек желтой лужицей на пол.

Кира прошла через галерею, ориентируясь на запах жареного мяса. Коридоры ветвились, образуя настоящий лабиринт. Она прикладывала пальцы к стенам, считывая остаточное тепло проходивших здесь людей. Система навигации Коллегии работала через кровь — чем дольше ученик учился здесь, тем сильнее его след отпечатывался в камнях.

Столовая находилась в огромной пещере естественного происхождения. Вместо столов здесь стояли каменные блоки разной высоты. Еда выдавалась из отверстий в стене автоматическими манипуляторами. Никаких касс, никаких жетонов. Сенсоры считали уровень глюкозы в крови подходящего студента и выдавали рацион согласно энергозатратам.

Когда Кира подошла к пищевому синтезатору, панель загорелась тревожным багровым светом. Тихий механический голос произнес: — Индекс метаболизма критический. Обнаружено пост-интеграционное истощение. Требуется немедленное восполнение липидов и железа. Рацион: двойная порция печени скального червя, протеиновый концентрат класса «Берсерк» и литр обогащенной кальцием эмульсии. Приятного аппетита.

Щель в стене отъехала в сторону. Оттуда выехал поднос,

на котором лежал дымящийся кусок сероватого мяса толщиной в кирпич и стакан вязкой белой жидкости. Кира села прямо на пол, привалившись спиной к теплому боку обогревательной трубы, и принялась есть. Мясо было жестким, волокнистым и имело привкус серы, но девушка рвала его зубами с остервенением дикого зверя. Каждый кусок, проваливаясь в желудок, немедленно усваивался, отправляя волны силы в дрожащие мышцы. Эмульсия оказалась густой и сладковатой, она моментально снимала резь в глазах.

Она ела, пока поднос не опустел. Чувство голода сменилось приятной тяжестью. Жар внутри окончательно улегся, заняв свое место глубоко в солнечном сплетении. Теперь он не рвался наружу. Он ждал команды.

Закончив трапезу, Кира позволила себе закрыть глаза. Шум галерей, крики тренирующихся, лязг стали — всё это сливалось в монотонный гул улья. Она прислушалась к этому гулу, пытаясь выделить из него другие нотки. Другие частоты драконьей крови.

Их было немного. Ровные, мощные басы — это наверняка Старейшины вроде Вороньего Клюва. Хаотичные всплески — студенты младших курсов, проигрывающие контроль своему темпераменту. И вдруг, на самом пределе чувствительности, далеко на востоке, в секторе глубоких катакомб, она уловила знакомый отголосок. Тонкий, прерывистый, болезненно яркий луч света, перемежающийся пятнами абсолютного холода.

Игнис.

Он был жив. Связь, установленная общим происхождением и усиленная сегодня днем печатями Коллегии, позволяла чувствовать направление. Брат находился глубоко под землей, гораздо глубже фундамента крепости. И его сигнал боровся. Пламя Киры лизнуло внутреннюю сторону ее ребер, отвечая на зов родственной крови.

Где-то в верхних уровнях башни часы пробили полночь. Начинался первый учебный день Девятого Клинка. Но Кира знала: настоящая учеба начнется не в аудиториях. Она начнется там, куда приведет этот едва заметный кровавый маячок в темноте.

Она открыла глаза, встала, машинально проверила, скрыта ли руна под кожей предплечья, и направилась к выходу из столовой. Впереди показалась лестница, ведущая на нижние уровни — туда, где располагались архивы и тренировочные полигоны глубокого погружения.

Кира шагнула на первую ступень. Камень под ногой тихо вздохнул, принимая нового жильца в свои вечно живые вены.

Глава 4. Наставники

Сны в Коллегии Кровавых Печатей не приносили отдыха. Они были продолжением уроков, которые мозг пытался усвоить во время бодрствования. Кира стояла на краю жерла вулкана, но вместо лавы внизу плескалось зеркало из жидкого серебра. В нем отражалась не она — там корчилась и росла тварь с ее лицом, покрытая черной чешуей, а глаза ее горели тем самым inferнальным рубиновым огнем, который испепелил Поглотителя. Тварь протянула к ней руку сквозь зеркальную гладь. «Ты думаешь, это ты меня контролируешь?» — прошептала она голосом Ректора.

Кира просилась от собственного крика. Сырой матрас под ней был мокрым от пота. Потолок казармы для первогодок давил низкими бетонными сводами. Рядом сопели еще пятеро учеников: трое людей, один остроухий полукровка и массивная фигура, завернутая в бинты так плотно, что невозможно было определить расу.

Часы на стене, работающие от пульсирующего кристалла, показывали четыре утра по имперскому времени. Подъем через час. Но спать больше не хотелось. Метаболизм, разбуженный вчерашним обжорством, гнал кровь по венам со скоростью курьерского поезда. Мышцы мелко вибрировали от переизбытка энергии.

Она встала бесшумно. Прошлепала босыми ногами по ле-

дяному камню к умывальнику. Вода из крана текла ржавая и пахла железом. Когда Кира плеснула ее в лицо, капли зашипели на разгоряченной коже, превращаясь в пар.

В шесть часов над казармами взревела сирена. Звук был физическим — он давил на грудную клетку, заставляя диафрагму сокращаться помимо воли. Двери распахнулись. На пороге стоял старший наставник по физической подготовке — существо, которое ученики звали просто Бригадиром. Он напоминал ожившую гору шлака: квадратное туловище, руки до колен и лицо, состоящее только из складок кожи и маленьких черных глазок. — Строиться! — рывкнул он так, что с потолка посыпалась побелка. — Бегом марш на Полигон А! Десять кругов вокруг Чаши! Кто придет последним — чистит котлы в столовой без перчаток!

Полигон А оказался гигантской чашеобразной впадиной естественного происхождения. Дно его было усеяно полосами препятствий, рвами с кислотой и движущимися мишенями. Воздух дрожал от жара десятка работающих кузниц. Бежать пришлось по самому краю обрыва. Слева — отвесная стена, уходящая вниз на сотню метров. Справа — спины других учеников. Торн бежал далеко впереди, восстанавливая статус лидера после вчерашнего позора. Его спина блестела от пота, но шаг оставался размеренным и мощным.

Кира чувствовала себя легкой. После недели в горах этот бег казался прогулкой. Она легко держала темп второй группы, экономя дыхание. Краем глаза она заметила, как свер-

ху, по узким балконам, опоясывающим Чашу, скользят тени. Наставники наблюдали за ними каждое утро, оценивая физическую форму.

Когда они завершали пятый круг, произошло то, чего никто не ждал. Торн, пробегая мимо одного из вентиляционных выходов, внезапно вскрикнул и дернулся в сторону. Прямо перед ним из решетки вырвался язык зеленого пламени. Великан едва успел отпрыгнуть, чтобы не лишиться ног, но потерял равновесие и покатился по гравию, остановившись в сантиметрах от края пропасти. Зеленое пламя начало лизать стены, перекидываясь на страховочные канаты. — Огневик совсем сбрендил! — заорал кто-то из толпы, бросаясь помогать встать ошарашенному Торну.

Кира замедлила шаг, всматриваясь в источник огня. Языки пламени складывались в руно, которая висела в воздухе, вопреки законам конвекции. Руна вспыхнула ярче и рассыпалась облаком искр. Из клубов дыма выступил человек.

Он был невысоким, плотным, одетым в кожаный фартук прямо поверх шелковой рубашки. Лицо мужчины покрывала татуировка в виде паутины трещин, а борода была заплетена в косы, на концах которых болтались крошечные огненные сферы размером с вишню. Это был Игнатий, Магистр Школы Пирокинетики. Тот самый «огневик», которого боялись даже старшекурсники. — Девятый Клинок! — голос Игнатия прозвучал неожиданно мягко для человека, источающего жар плавильни. — Сюда иди. Живо.

Кира отделилась от общего потока бегущих. Сердце неприятно екнуло. Вызов магистра на первом же кругу означал либо особое внимание, либо немедленное отчисление через окно. — Имя? — спросил Игнатий, когда она подошла, щурясь от исходящего от него жара. — Кира. — Нет. Здесь имена дают поступки. Пока ты — Девятый. Смотри.

Игнатий щелкнул пальцами. Перед Кирой возник сгусток плазмы величиной с арбуз. Он не касался земли, зависнув в десяти сантиметрах от брусчатки. Внутри шара медленно вращалась сложная геометрическая структура. — Это нестабильный заряд класса «Инферно», — пояснил магистр, пыхтя самокруткой, от которой пахло сушеными яблоками и порошком. — Температура ядра три тысячи градусов. Если я уберу сдерживающее поле... — он сделал вид, что разжимает пальцы, — ...тебе оторвет ноги по колено, а стоящих за тобой троих дураков испарит до состояния фосфора. Твоя задача — поглотить его.

Кира моргнула. — Что сделать? — Выпить, — терпеливо повторил Игнатий. — Ты вчера выпила Печать коллегии, хотя должна была превратиться в кровавый туман. Думала, ректор шутил про барана? Твой костный жезл сейчас работает как доменная печь. Открой рот и втяни. Только аккуратно, не подавись. Если лопнешь — мыть полы будешь уже в посмертии.

Трое учеников позади Киры замерли. Кто-то тихо молился старым богам. Торн, хромая, подошел ближе, забыв о сво-

ем падении. Ему явно хотелось посмотреть, как выскочку разорвет на куски.

Шар пульсировал. Жар от него высушивал кожу на лице. Кира посмотрела на свои ладони. Инстинкт кричал: «Беги». Разум говорил: «Это тест на выживание». Где-то глубоко внутри драконья кровь лениво шевельнулась, проявив любопытство. Девушка закрыла глаза, пытаясь вспомнить ощущение пустоты, которое накрыло ее на белом алтаре, когда печать вытягивала жизнь. Нужно создать вакуум. Не снаружи, а внутри грудной клетки.

Она выдохнула весь воздух. Расширила диафрагму, представляя легкие полыми сосудами. Затем резко втянула носом воздух, одновременно раскрывая внутренние каналы, те самые золотые нити, что проросли в нее вчера.

Плазменный шар дрогнул. Магнитное поле Игнатия ослабло. Кира сделала пасс рукой, словно зачерпывая воду. Шар сорвался с места и ударил ей точно в центр груди. Ожидание боли сменилось ощущением невыразимой сладости. Это было похоже на питье жидкого солнца после недели жажды. Энергия хлынула в нее потоком, заполняя каждую клетку эйфорией. Рубиновые линии под кожей вспыхнули, став видимыми на мгновение, и тут же погасли, распределяя полученную мощь по всему телу. Тепло улеглось приятным грузом в солнечном сплетении.

Кира открыла глаза. Мир стал четче. Цвета — насыщеннее. Она чувствовала пульсацию каждого факела в радиусе

ста метров. — Проглотила, — констатировал Игнатий, выпустив кольцо сизого дыма. — И даже не почернела. Интересно. Обычно новичков выворачивает наизнанку или они становятся новыми осветительными приборами зала. У тебя талант к саморазрушению, девочка. Или к бессмертию. Зайдешь ко мне в башню после заката. Попробуем научить тебя не взрывать мебель, когда чихаешь.

Он развернулся и пошел прочь, растворяясь в собственном мареве. Торн проводил его взглядом, потом посмотрел на Киру с плохо скрываемым ужасом. Первый урок был преподан: Девятый Клинок неуязвима для прямого огня.

Второй день начался с тишины. После утренней пытки бегом их группу разделили. Трех отправили к алхимикам, двоих (включая замотанного в бинты здоровяка) — к менталистам. Киру вызвали в Западное крыло. Коридоры здесь отличались от мрачных подземелий полигона. Стены были задрапированы тяжелой тканью цвета ночи, поглощающей звук шагов. Свет давали не сердца-грелки, а живые светлячки, заключенные в хрустальные шары. Ее привели в комнату без окон. Единственной мебелью было глубокое кресло из багрового бархата. Напротив него, в таком же кресле, сидела женщина.

Леди Вейра, Магистр Иллюзий и Психического Манипулирования. Говорили, что она родилась слепой и видит мир исключительно через потоки чужой крови. Выглядела она

как статуя из черного льда. Идеально правильные черты лица, кожа бледная до синевы, губы цвета запекшейся крови. Одета она была в платье, которое казалось цельным куском звездного неба — оно мерцало и переливалось, создавая оптическую иллюзию бесконечной глубины. — Садись, Девятый, — сказала она. Голос Вейры звучал сразу в голове Кира, минуя уши. — Нам нужно поговорить о твоём запахе.

Кира села. Бархат кресла принял форму ее тела, вызывая странное чувство уязвимости. — Я мылась вчера, — буркнула она. — Ты воняешь страхом, — отрезала леди. — Причем страхом специфическим. Ты боишься не смерти. Ты боишься потери контроля. Для дракона это смертельный недуг. Мы рождены быть катастрофой. Наша природа — сжигать деревни, если нам наступили на ногу. Проблема в том, что Империи не нужны ходячие катастрофы. Ей нужны скальпели.

Вейра подняла руку. Между ее пальцев затанцевала тонкая нить света. — Закрой глаза. Кира подчинилась. — Представь своего брата. Имя «Игнис» отозвалось болью в груди. Образ младшего брата встал перед внутренним взором четко: ему пять лет, он смеется, сидя на плечах отца, солнечные блики играют в его волосах. — Хороший мальчик, — прошелестел голос Вейры. — Теперь смотри глубже. Смотри на свою реакцию.

Картинка изменилась. Игнис стоит на арене Багрового Заката. Его руки прикованы цепями к раскаленной плите. Ко-

жа чернеет. Он не кричит — он стиснул зубы, его глаза белеют от концентрации, он пытается заморозить металл своим отчаянием. Кира внутри собственной головы зарычала. Драконья кровь вскипела, требуя выхода. Желание убить всех, кто причиняет боль брату, стало физически ощутимым, тяжелым, как свинец. — Вот оно, — удовлетворенно произнесла Вейра. — Зверь поднял голову. А теперь смотри, что делает разум.

Внутренний взор Киры вдруг переключился. Вместо того чтобы бежать спасать брата, часть ее сознания начала *анализировать*. Оценивать температуру плиты. Рассчитывать траекторию удара кулаком, способного пробить череп охранника. Прикидывать силу взрыва, необходимую для разрушения фундамента арены. Холодная, математическая жестокость. Планирование идеального убийства тридцати человек за семь секунд. — Видишь? — спросила леди. Кира почувствовала, как холодные пальцы Вейры коснулись ее висков — фантомное прикосновение, проникающее сквозь кости черепа прямо в серое вещество. — Ты хочешь спасти его как сестра. Но твой дар хочет решить проблему максимально эффективным способом. Если для спасения Игниса потребуется превратить тысячу детей врага в пепел — твоя новая сущность сделает это не моргнув глазом. Именно поэтому Император вызвал тебя. Герману нужен клинок, который будет наслаждаться работой.

Пальцы исчезли. Кира судорожно вдохнула, открывая гла-

за. По щекам текли слезы. Она даже не заметила, когда начала плакать. — Как вы это делаете? — прошептала она. — Я вытащила это из тебя, — спокойно ответила Вейра. Она взяла со столика бокал с темно-красной жидкостью. — Страх потерять человечность преследует всех одаренных. Либо ты ломаешься и становишься блаженным овощем, отказываясь от силы. Либо принимаешь монстра и сходишь с ума от вины. Есть третий путь. Самый сложный. Научиться держать зверя на очень коротком поводке и кормить его строго по расписанию.

Вейра пригубила вино. Ее черные глаза изучали Киру без малейшего сочувствия. — Завтра на рассвете ты придешь сюда снова. Мы начнем работать с зеркалами. Я буду показывать тебе твои худшие кошмары. Ты будешь учиться дышать, пока твоя психика распадается на части. Если выживешь — научишься внушать врагу такой ужас, что его сердце остановится раньше, чем он успеет поднять меч. Свободна.

Кира вышла из комнаты ватная. Коридоры Западного крыла казались теперь бесконечными лабиринтами. Иллюзионистка показала ей правду, которую Кира гнала от себя: та сила, что спасла ее в дирижабле, несла в себе чистое безумие. Радость абсолютного уничтожения.

Третье испытание ждало ее в полдень, когда солнце искусственного купола палило особенно беспощадно. Ее привели в Зал Тысячи Эхо. Огромное пространство с высоким

потолком, где вдоль стен стояли сотни манекенов в доспехах. Пол был расчерчен сложной мозаикой из белого и черного мрамора. Каэль, Мастер Клинка, стоял в центре.

В отличие от монументального Бригадира или эксцентричного Игнатия, Каэль выглядел почти невзрачно. Мужчина средних лет, сухощавый, с абсолютно седыми волосами, собранными в хвост. Одет он был в простую льняную тунику и свободные штаны. Единственное оружие — длинный прямой меч в простых деревянных ножнах, который он держал вертикально, опирая острием о камень. Глаза Каэля были закрыты плотной белой повязкой. — Девятый Клинок, — сказал он, не поворачивая головы. Несмотря на закрытую повязку, его взгляд ощущался физически — холодный, пронзительный, сканирующий каждый нерв. — Докажи, что ты стоишь стали, которую коллегия потратит на твоё обучение.

Из теней вышли два старших ученика. Третий и Четвертый Клинки. Вооружены они были боевыми шестами из тяжелого эбенового дерева. — Правила просты, — продолжил Каэль. — Ты голыми руками. Они — оружием. Если ты выдержишь против них одну минуту, я возьму тебя в ученики. Если нет — отправишься чистить выгребные ямы северного сектора. Начинайте.

Старшекурсники атаковали синхронно. Никакой юношеской горячки, чистый профессионализм. Один заходил слева, целясь шестом в колени, второй прыгнул справа, метя на-

вершием в висок.

Кираотреагировала телом, не успев подумать. Драконья кровь обожгла стопы, давая импульс скорости. Она упала назад, делая мостик, пропустив шест над собой. Древесина просвистела в миллиметрах от носа. Прежде чем она успела коснуться пола спиной, мышцы пресса сократились, подбрасывая ее обратно вверх.

Она приземлилась между противниками. Первый попытался нанести горизонтальный удар. Кира приняла древко предплечьем. Хруст сломанной кости смешался с треском дерева. Боль прострелила руку до самого плеча, но огонь мгновенно запечатал сосуды, не давая уйти в шок. Она схватилась за шест, используя инерцию противника, дернула на себя и впечатала колено ему в солнечное сплетение. Парень рухнул, хватая ртом воздух.

Второй ученик отступил, меняя стойку. Он понял, что скорость Девятого превосходит человеческую. Теперь он двигался осторожнее, прощупывая защиту. Кира оскалилась. Зубы во рту начали зудеть, меняя форму — клыки удлинились, готовясь рвать плоть. Звериная натура брала верх. Она хотела крови. Хотела услышать крик этого самодовольного юнца. Она бросилась вперед, игнорируя выставленный шест. Пусть ударит. Ее тело выдерживало прямое попадание танковых орудийных снарядов малой мощности, что ей деревяшка?

Шест обрушился на ее плечо. Раздался сухой треск. Ключ-

чица переломилась пополам. Боль была ослепительной. Но вместе с болью пришла вспышка ярости. Правая рука Киры, сама собой сложившись в копьё, метнулась вперед. Пальцы вошли в нагрудник тренировочного доспеха второго ученика, ломая дерево и ребра под ним. Парок захрипел. Кира занесла левую руку для добивающего удара в горло. — СТОП!

Голос Каэля ударил звуковой волной. Пространство содрогнулось. Кира замерла, тяжело дыша. Ее левая рука все еще сжимала обломанную ключицу противника, торчащую из-под кожи белым острым углом. Глаза пылали красным. Из уголка рта капала слюна вперемешку с кровью — она прокусила себе губу.

Мастер клинка наконец открыл незрячие глаза. Повязка соскользнула на шею. Глазницы Каэля были пусты. Там не было белков или радужек — лишь две идеально круглые шахты, ведущие в абсолютную темноту. — Достаточно, — тихо сказал он.

Кира моргнула. Наваждение схлынуло. Краснота в глазах угасла. Обломанная ключица с влажным щелчком встала на место — регенерация сработала быстрее, чем осознание травмы. Противники лежали на полу: один жадно глотал воздух, другой свернулся клубком, зажимая дыру в груди.

Каэль подошел к ней. От него пахло сталью, старой кожей и озоном. Он протянул руку и взял Киру за подбородок, заставляя смотреть прямо в свои пустые глазницы. — Ты убила бы его, — ровным тоном произнес мастер. — Тре-

тьего Клинка. За оскорбление твоей гордости. Твоя физическая форма великолепна. Твоя реакция божественна. Но твой контроль... Он отпустил ее. — Нулевой. Ты сражаешься инстинктами животного. Это эффективно против бандитов. Против мастера это самоубийство. Ты открылась трижды. Будь мой клинок настоящим, твоя голова катилась бы по полу отдельно от тела.

Каэль отошел к стене, снял со стойки простой деревянный тренировочный меч и бросил его Кире. — Лови. Деревяшка полетела рукоятью вперед. Кира поймала ее левой рукой. Баланс был идеальным. — С сегодняшнего дня и до тех пор, пока я не скажу иначе, ты не используешь огонь, — приказал Каэль. — Ни капли. Ни искры. Твои вены будут гореть от желания выплеснуть энергию. Ты будешь хотеть сжечь собственный меч дотла. Терпи. Учись полагаться на вес, на рычаг, на геометрию шага. Меч должен стать продолжением твоей мысли, а не зажигалкой в руке.

Он обнажил свой клинок. Лезвие было настолько старым, что металл местами истончился до прозрачности, обнажив структуру кристаллической решетки. — Атакуй, — сказал Каэль. — Покажи мне, как умирает мусор с окраин.

На этот раз он не стоял на месте. Его движения были текучими, непредсказуемыми. Он не блокировал удары Кире — он отводил их кончиком лезвия, заставляя девушку терять равновесие. Каждый выпад Каэля заканчивался болезненным, но точным ударом плоской стороной клинка по

связкам или мышцам. По бедру. По локтевому суставу. По ахиллову сухожилию.

Кира кружилась по залу, превратившись в машину уклонений. Деревянный меч в ее руках казался свинцовым. Без поддержки внутреннего пламени она чувствовала себя слабой, медленной, неуклюжей. Впервые за долгое время она столкнулась с силой, которую нельзя было задавить грубой мощью. — Ты пытаешься пересилить ветер, — комментировал Каэль, нанося очередной секущий удар, оставивший красный след на ее ребрах. — Глупец строит стену. Мудрец ставит парус. Чувствуй мою инерцию!

Он провел сложную комбинацию, закончившуюся обманным финтом. Кира качнулась вправо, ожидая удара в корпус. Каэль изменил вектор в последнюю долю секунды. Деревянный клинок опустился на ее открытую кисть. Раздался хруст. Три пальца правой руки выгнулись под неестественным углом. Меч выпал из ослабевших пальцев и зазвенел по мрамору.

Кира упала на одно колено, прижимая изувеченную руку к животу. Боль была чистой, острой, лишенной адреналиновой анестезии. Просто боль. Каэль остановился. Опустил меч. — Вставай, — сказал он. — Бой окончен. Ты принята.

Кира подняла голову. По лицу текли слезы бессилия и злости. — Принята? Я проиграла. Ты сломал мне руку. — Я показал тебе предел, — ответил мастер, убирая клинок в ножны. — До этого момента ты думала, что ты — стихия.

Но стихия не держит меч. Стихия разрушает. Воин созидает порядок из хаоса. То, что ты пережила сегодня — ампутация лишнего. Гордыни. Самоуверенности. Надежды на то, что старый папин дар решит все проблемы.

Он подал ей здоровую левую руку и помог подняться. — Запомни, Девятый. Огонь хорош, чтобы пугать крестьян. Но королей убивает кусок холодной стали в темноте. С завтрашнего дня мы начинаем строить из тебя эту сталь. А теперь иди к врачам. И скажи им, чтобы не спешили сращивать кости слишком быстро. Тебе полезно походить калекой. Учит смирению.

Вечером Кира вернулась в казарму. Левая рука висела на перевязи, сделанной из обрывка плаща. Ребра были перетянуты тугой повязкой. Каждый вдох отзывался тупой болью. Остальные ученики старались обходить ее стороной. История о поединке в зале Эхо уже разлетелась по крепости. Никто не знал деталей, но все видели, как Каэль вынес на руках сначала Третьего Клинка, а затем и саму Киру. Факт, что Мастер лично доставил новичка в лазарет, говорил громче любых слов.

Она легла на свой матрац, глядя в потолок. Сон не шел. Тело ныло, протестуя против нагрузок, но разум работал ясно. Три учителя. Три грани одной монеты. Игнатий дал ей понимание масштаба: она может выпить солнце. Вейра заглянула в бездну: она может стать этим солнцем и сжечь всё

живое, включая собственную душу. Каэль вбил в ее плоть первую истину: масштаб бесполезен без формы. Величайшее пламя ничто без фитиля и линзы.

Где-то в темноте коридоров раздался звон гонга. Отбой. Но Кира знала, что настоящая работа только начинается. Завтра утром ее ждет песок полигона. Днем — зеркала леди Вейры, которые покажут ей лик ее собственного безумия. Вечером — деревянная палка Каэля, которая снова и снова будет доказывать ей несовершенство человеческого тела. И ночью, тайком, пробираясь по крышам к Северной башне, ее будет ждать кабинет Игнатия, полный опасных игрушек и бутылок с яблочным бренди.

Она положила здоровую руку на грудь, туда, где под ребрами спал вечный двигатель ее проклятия и ее единственной надежды. «Спокойно, — мысленно приказала она огню. — Сегодня мы учимся быть слабыми». Дракон внутри недовольно заворочался, выпустил облачко горячего дыма в ее легкие и уснул, уступая место усталости обычного девятнадцатилетнего тела. Кира закрыла глаза. Завтра ей предстояло узнать, сколько ударов деревянного меча может выдержать девушка, прежде чем превратится в пыль. Судя по улыбке Каэля, лимит еще даже не начинался.

Глава 5. Первый урок огня

Башня Игнатия пахла озоном, жженым сахаром и старым одиночеством. В отличие от стерильных казарм Коллегии или монументального аскетизма кабинета Ректора, жилище Магистра Пирокинетики напоминало логово безумного изобретателя после землетрясения.

С потолка свисали медные трубы, по которым вместо воды тек жидкий огонь — он пульсировал тусклым рубиновым светом, освещая комнату лучше любых ламп. Пол был завален чертежами на пожелтевшем пергаменте, пустыми бутылками из-под сливовицы и странными механизмами, которые тихо гудели и вращались сами по себе. В огромном камине, занимавшем всю дальнюю стену, танцевало пламя цвета индиго, хотя дров там не было уже лет сто.

Игнатий сидел в глубоком кресле, закинув ноги на пуфик, и с сосредоточенным лицом пытался накормить ложкой кашу механического ворона, сидевшего у него на плече. Птица щелкала латунным клювом, но пищу принимать отказывалась. — Он говорит, что чувствует глютен, — пояснил магистр, заметив Киру в дверях. — Современные конструкты стали невыносимо капризными. Проходи, Девятый. Не стесняйся. Если что-то взорвется — это часть учебного плана.

Кира осторожно переступила через кучу дымящихся шестеренок. Левая рука все еще висела на перевязи после вче-

рашнего «урока смирения» от Каэля. Ребра под тугим бинтом ныли тупой болью при каждом шаге. Тело требовало сна, но глаза горели от недосыпа и жажды знаний. — Почему дерево? — спросила она, кивнув на тренировочный меч, который сжимала в здоровой руке даже во сне. — Дерево учит тебя бояться смерти, — Игнатий наконец отложил ложку. Ворон тут же впился металлическими когтями ему в плечо. — Огонь страха не знает. Страх знает только носитель. Садись. Сегодня мы будем учиться лгать собственному телу.

Он указал на тяжелый дубовый табурет перед собой. Кира села. Ноги едва доставали до пола. — Ты думаешь, что контролируешь пламя, потому что оно тебе подчиняется, когда ты злишься, — начал лекцию Игнатий, выуживая из кармана фартука новую самокрутку. — Это ошибка пастуха, который считает, что овцы идут за ним из уважения. Овцы идут, потому что их гонит волк позади. Твой страх смерти — вот твой факельщик. Пока ты боишься, ты будешь либо взрываться, либо сжигать саму себя изнутри. Драконья кровь, дева, штука парадоксальная. Она питается жизнью, чтобы сохранять жизнь. Чем больше ты отдаешь ей своей плоти, тем сильнее она становится, пока однажды не решит, что твоя плоть — лишняя деталь в этом уравнении.

Магистр затянулся. Из его ноздрей повалил дым кольцами. — Чтобы управлять стихией без вреда для оболочки, нужно обмануть инстинкт самосохранения. Мы должны убедить твое подсознание, что *внешнее* пламя — это продолже-

ние *внутреннего*, а не угроза. Начнем с малого. Протяни руку над столом. Ладонью вверх.

Кира выполнила приказ. На столе лежал обычный кусок серого мела. — Нарисуй круг, — сказал Игнатий. — У меня сломана кисть, мастер. — Левой рукой, — отрезал он. — Или мне позвать Каэля, чтобы он переломал тебе и ее для симметрии?

Кира взяла мел непослушными пальцами левой руки. Мел крошился. Круг получился кривым, похожим на детский рисунок солнца. — Идеально, — неожиданно похвалил Игнатий. — Хаос легче упорядочить, чем идеальную структуру. Теперь смотри в центр круга. Не на свои пальцы. Не на меня. Только в белизну мела. Я хочу, чтобы ты вспомнила самое холодное место, где ты когда-либо была.

Кира нахмурилась. Холод ассоциировался со страданием. Смерть родителей в ледяной воде коллектора. Неделя на склонах Эльбруса, когда ресницы смерзались с кожей. Но Игнатий покачал головой. — Не боль. Просто холод. Найди точку абсолютного нуля в своей памяти.

Она закрыла глаза. И увидела снег. Тот самый красный снег окраин Империи. Но сейчас она смотрела на него не как жертва, а как наблюдатель. Снежинки падали медленно, невероятно медленно. Время застыло. Каждая грань каждой снежинки отражала багровое небо. Было тихо. Абсолютно, звеняще тихо. Никакого голода. Никакого страха. Только геометрия замерзшей воды. — Хорошо, — голос магистра

стал тише, превращаясь в гипнотический шепот. — Держи этот холод. Заморозь свое сердце. А теперь... почувствуй тепло моего голоса.

Кира открыла глаза. Взгляд Игнатия изменился. Зрачки расширились, поглотив почти всю радужку, превратившись в два черных провала, внутри которых плясали искры. — Огонь — это не разрушение, — прошептал он. — Огонь — это информация. Свет — это скорость. Тепло — это вибрация атомов. Ты не создаешь пламя. Ты просто заставляешь мир вокруг двигаться быстрее. Представь, что воздух над мелом дрожит. Как над камнем в жаркий полдень.

Кира уставилась на круг. Она расслабилась плечи, насколько позволяли ноющие ребра. Перестала думать о боли в руке. Она начала дышать в такт пульсации синего пламени в камине. Вдох. Выдох. Сердце замедлилось до глубокого, размеренного стука спящего зверя. Воздух над нарисованным мелом действительно задрожал. Сначала незаметно, словно мираж в пустыне. Затем марево стало плотнее, обретая золотистый оттенок. — Вот так, — выдохнул Игнатий. — Не толкай. Позволь теплу твоего тела просочиться сквозь поры. Кровь горячее камня. Дай камню узнать об этом.

Золотистое марево начало скручиваться в спираль. Оно не светилось само по себе — оно просто всасывало рассеянный свет башни, концентрируя его. Внутри спирали зародилась крошечная точка темно-вишневого цвета. Она росла, вытягиваясь в тонкую нить. Нить коснулась края мелового

круга. Мел вспыхнул белым, мгновенно превращаясь в пар, не оставив и следа пепла. Пламя поднялось ровным столбиком высотой в ладонь. Оно имело цвет расплавленного золота и абсолютно не излучало жара.

Кира задержала дыхание, боясь спугнуть чудо. Впервые в жизни она управляла огнем сознательно, а не в ответ на удар клинка или смертельную опасность. Это было... спокойно. Почти скучно. — Открой ладонь, — скомандовал Игнатий.

Кира разжала пальцы. Столбик пламени дрогнул, потянулся к ее коже, словно любопытный щенок, и мягко опустился на центр ладони. Ощущение было странным. Словно кто-то положил на руку теплый шелковый платок. Никаких ожогов. Никакой боли. Только легкое покалывание, будто от затекшей конечности. — Подними уровень вибрации, — приказал магистр. — Сделай его чуть ярче. Мысленно ускорь танец молекул.

Кира сосредоточилась. Вообразила, как частицы воздуха начинают сталкиваться чаще. Золотой столбик на ее руке сменил цвет на ослепительно-белый. По краям пробежали синие язычки. — Достаточно, — быстро сказал Игнатий, заметив, как начали нагреваться доски стола рядом с ее локтем. — А теперь самое сложное. Погаси его. Не сбрось. Не встряхни рукой. Погаси изнутри. Забери вибрацию обратно в кровь.

Это оказалось труднее всего. Пламя хотело жить. Оно ластилось к коже, сопротивляясь попытке уменьшить частоту

колебаний. Кира представила, как втягивает тепло обратно в вену. Как закрывает невидимый клапан в груди. Белый свет медленно угас, возвращаясь к вишневому, затем к черному дыму и исчезая вовсе. На ладони осталось лишь легкое ощущение сухости.

Игнатий откинулся в кресле и промокнул лоб клетчатым платком. Выглядел он постаревшим на десять лет. — Неплохо, — прохрипел он. — Для первого раза феноменально. Обычно ученики тратят месяц, чтобы научиться не обжигать собственные брови. У тебя врожденный интерфейс. Проблема в том, что...

Он не договорил. Его прервал звук бьющегося стекла. Один из механизмов на полке сорвался с креплений и рухнул на пол, рассыпавшись на сотни деталей. Синее пламя в камине внезапно взвыло, выстрелив столбом дыма до самого потолка. Кира вздрогнула. Ее левое плечо пронзила острая боль от движения — старая травма напомнила о себе. И этого мгновения хватило.

Холодное спокойствие, которое она выстраивала минуту назад, дало трещину. Мозг зафиксировал внезапную дестабилизацию среды. Инстинкт дракона среагировал раньше сознания: *Угроза. Окружение нестабильно. Требуется подавление.*

Пальцы правой руки, которую она держала на коленях, самопроизвольно сжались в кулак. Из центра ее грудной клетки рванулось НЕЧТО.

Это не было контролируемым выбросом плазмы. Это был прорыв плотины. Багровая волна чистой паники и драконьей ярости хлынула наружу. Воздух в башне перестал существовать, превратившись в вязкий кисель. Температура подскочила настолько резко, что стеклянные колбы на дальней стене лопнули одновременно, осыпав стеллаж дождем осколков.

Огонь вырвался не из рук. Он выплеснулся прямо из глаз Киры. Девушка вскрикнула, хватаясь за лицо — ей показалось, что глазные яблоки вскипают в орбитах. Сквозь прижатые веки она видела алую вспышку собственной крови. Пламя ударило в потолок концентрированным конусом. Каменная кладка толщиной в полметра не загорелась — она *испарилась*. Синий камень превратился в облако раскаленной пыли. Обломки перекрытия посыпались вниз.

Игнатий действовал молниеносно. Ни капли суеты. — *Korrupthas!* — выкрикнул он, выбрасывая вперед обе руки.

Из его пальцев вылетела сеть из черного льда. Она встретилась с багровым потоком Киры. Раздался звук, с которым сталкиваются галактики — шипящий рев аннигиляции материи и антиматерии. Комнату заполнил запах озона и паленых волос. Лед и пламя пожрали друг друга. Взрывной волны не последовало — энергии просто нейтрализовали друг друга, обрушившись на пол дождем из грязной воды и саж.

Наступила тишина, прерываемая только треском оседающей пыли и тяжелым дыханием Киры. Девушка сидела на

табурете, низко опустив голову. По щекам градом катились слезы, оставляя светлые дорожки на покрытом копотью лице. Волосы на левом виске полностью сгорели. Ресниц не было. Руки тряслись мелкой, болезненной дрожью.

— Проклятье, — выдохнул Игнатий. Он тяжело поднялся, опираясь на стол. Механический ворон на его плече отчаянно махал крыльями, пытаясь сохранить равновесие. — Я идиот. Старый, выживший из ума идиот. Напугал ребенка шумом игрушки.

Он подошел к Кире. Опустился на одно колено, чего никогда не делал ни перед Императором, ни перед Советом Магистров. Осторожно, двумя пальцами, приподнял ее подбородок, заглядывая в покрасневшие, слезящиеся глаза. — Больно? — спросил он совсем другим, человеческим голосом.

Кира судорожно кивнула. Губы не слушались. — Боль пройдет через пару минут, — заверил магистр. — Ожоги сетчатки я купирую. Но шок останется. Запомни этот вкус, Девятый. Это вкус потери контроля. Ты испугалась упавшей железки, потому что твои нервы натянуты как струна. Твоя связь с даром работает в обе стороны. Дар слышит биение твоего сердца. Когда ты дергаешься от боли в ребрах, пламя думает, что началась война.

Игнатий достал из воздуха (или из пространственного кармана в своем фартуке) маленькую бутылочку из синего стекла. Откупорил ее. Внутри оказалась густая, тягучая субстанция цвета меда. — Открой рот.

Кира послушно разомкнула спекшиеся губы. Магистр влил ей в рот содержимое пузырька. Жидкость обожгла горло, но не огнем — лютым морозом, от которого зубы заглохло. Через секунду по всему телу прокатилась волна анестезии. Боль в плече, резь в глазах, усталость — всё отступило, сменившись легким, приятным головокружением. — Эликсир Лотоса, — пояснил Игнатий, закупоривая пузырек. — Иллюзия благополучия. Вейра бы меня убила за то, что я даю это новичкам, но у нас нет времени на недельную терапию криком. Тебе нужно спать, чтобы мышцы восстанавливались, а ты слишком напугана, чтобы уснуть.

Он помог ей встать. Ноги Кире подкосились, но магистр удержал ее стальной хваткой. — Пойдем. Провожу тебя. И завтра... завтра мы начнем иначе.

Они вышли в коридор. Башня Игнатия находилась высоко, и отсюда открывался вид на ночной город Коллегии. Красные огни сердец-светильников пульсировали внизу, создавая иллюзию живого организма. Игнатий вел Киру под локоть, прихрамывая — видимо, отдача от столкновения стихий задела и его суставы. — Знаешь, почему я согласился взять тебя в личные ученицы? — спросил он, когда они миновали галерею с манекенами. — Не потому, что ты сильна. Сильных здесь полно. Каждый второй Клинок может превратить человека в головешку взглядом. Я взял тебя, потому что увидел отчет медиков после инициации. Твоя гемоплаз-

ма содержит ферменты обратной связи. Большинство пирокинетиков выгорают к тридцати годам — их нервная система буквально сгорает от собственного тока. Ты же регенерируешь ткани быстрее, чем пламя разрушает их. Ты можешь быть вечным двигателем. Если научишься слушать предохранители.

Кира молчала, переваривая коктейль из эликсира и пережитого ужаса. Мир казался мягким и податливым. — Что пошло не так? — выдавила она. — Всё пошло так, — горько усмехнулся Игнатий. — Кроме моей методики. Я учу академически. Рассудок, контроль, физика. А ты, девочка, устроена наоборот. Твой дар спит, пока разум бодрствует. Стоит тебе начать *думать* о температуре плавления известняка — всё кончено. Твоим пламенем должна править интуиция. Рефлекс. Вторая натура.

Он остановился у входа в казарменный блок. — Завтра вечером, — серьезно сказал магистр, глядя на нее сверху вниз своими глазами-искрами, — ты не придешь ко мне. Ты пойдешь на кухню. Третья дверь слева от посудомоечной. Там будет сидеть старик Грофф. Он бывший кок имперского флага. Скажешь ему, что я прислал тебя чистить лук. Двадцать мешков. До кровавых слез. Без магии. Только нож и луковица. Лук заставляет плакать против воли. Нам нужно научить твою вегетативную нервную систему отделять физический рефлекс от эмоционального триггера. Поняла?

Кира попыталась сосредоточиться. Лук. Слезы. Отделе-

ние рефлексов. Логика была убийственной в своей простоте. — Да, мастер. — И еще, — Игнатий понизил голос до шепота. — То, что случилось сегодня... Этот черный лед, который я бросил в твой огонь. Это высшая форма контр-магии. Встречное поглощение. Никто в этой коллегии, кроме Ректора, не способен на такое мгновенное построение матрицы отрицания. Помни об этом. Если слухи дойдут до старших курсов, Торн попытается проверить прочность твоей новой кожи. Они будут ждать от тебя файерболов. Бей деревом. Бей песком. Бей голыми руками. Но если увидишь, что они используют Печати против тебя... разрешаю испепелить им кисти. Чисто в целях самозащиты, разумеется.

Он легонько щелкнул ее по лбу. — Марш спать. И поплотнее замотай ребра. Каэль любит ломать вещи дважды, если видит, что они плохо починены.

Казарма встретила ее густой темнотой и храпом здоровяка в бинтах. Кира бесшумно прошла к своей койке. Эликсир Лотоса продолжал действовать, смазывая острые углы реальности. Она легла, подложив здоровую руку под голову. Перед глазами всё еще стояло лицо Игнатия, освещенное синим пламенем, и ужасающий момент, когда она поняла, что башня рушится по ее вине.

Но вместе со стыдом пришло и другое чувство. Странное, теплое, собственническое. Когда она стояла там, извергая плазму из глазниц, она не чувствовала боли. Она чувствовала

ла *правоту*. Мир прогибался под ее волей. Это было омерзительно и восхитительно одновременно. Дикий восторг абсолютной власти, о котором предупреждала леди Вейра. Кира осознала страшную истину: ей понравилось уничтожать камни. Ей хотелось повторить это снова, но уже осознанно, направляя каждый кубометр разрушенной породы.

«Завтра», — подумала она, проваливаясь в сон без сновидений. — «Сначала лук. Потом сталь. Потом огонь».

Сон пришел глубокий, целительный. Но глубоко под фундаментом Коллегии, где билось каменное сердце мира, древний Левиафан слегка повернулся во сне. Новая искра в сети Кровавых Печатей была яркой, горячей и совершенно непредсказуемой. Сети это нравилось. Древние конструкции любят хороший пожар, особенно если он обещает согреть старые кости перед грядущей бурей.

Утро началось с ведра ледяной воды, выплеснутого на лицо дежурным наставником. Эффект эликсира Лотоса прошел мгновенно, вернув ноющую боль в ключицу и полное осознание своего позора. Физические тренировки прошли как в тумане. Кира бежала круги, уклонялась от механических ловушек и получала удары деревянным шестом от Бригадира, но мыслями она была далеко. Она считала часы до вечера. Идея Игнатия с луком звучала абсурдно, но в ней была та самая жесткая практичность, которой славилась Коллегия. Нельзя управлять миром, если ты не можешь справиться

ся с собственным чихом.

День тянулся бесконечно. Занятия по теории рунической вязи показались пыткой — буквы плыли перед глазами, складываясь не в формулы сдерживания, а в образы падающих перекрытий башни. Единственным ярким пятном стала встреча с Каэлем в зале Эхо. Мастер клинка был краток: — Стойка неверна. Вес смещен. Ты защищаешь больной бок, открывая шею. Хочешь умереть от ангины? Дерись так, будто у тебя нет костей вообще. Используй инерцию падения.

Он сбил ее с ног двадцать семь раз подряд. К концу занятия весь правый бок Киры представлял собой один сплошной синяк, но впервые она смогла предугадать движение мастера на долю секунды раньше. Этого было недостаточно для победы, но достаточно, чтобы не умереть сразу.

Закат окрасил искусственный купол Коллегии в тошнотворно-розовый цвет. Кира дождалась, пока большая часть учеников разбредется по своим делам — кто в библиотеку, кто в арены для спаррингов. Сама она, набросив на плечи чужой плащ, скрывающий фигуру, двинулась в сторону подвальных уровней, где располагались пищеблоки.

Коридоры здесь были узкими, низкими и влажными. Вместо благородного мрамора — серый бетон, пропитанный запахом квашеной капусты и дешевого жира. Охранные руны встречались реже, зато чаще попадались жирные крысы размером с небольшую собаку, которые смотрели на девушку бусинками глаз, оценивая, нельзя ли ее сожрать.

Третья дверь слева от посудомоечной вела в каморку, пропитанную парами уксуса и табачным дымом. За грубо сколоченным столом сидел человек-гора. Старик Грофф выглядел так, словно его вырезали из старого дуба. Лицо покрывала сетка шрамов от ожогов, а вместо левой руки ниже локтя крепилась механическая клешня из меди. — Новенькая от Игнатия? — проскрипел он, не поднимая глаз от огромного чугунного котла, который чистил песком. Голос у него был такой, будто он полоскал горло гравием. — Мне сказали... лук, — неуверенно произнесла Кира.

Грофф поднял взгляд. Его единственный целый глаз был мутным, желтоватым, но смотрел остро. — Двадцать мешков репчатого, — подтвердил он. — Вода там. Ножи точить сам умеешь. Если порежешься — слизывай кровь и работай дальше, мне плевать. Мешок скидывай вон в тот угол. Как закончишь — принесешь мне сигару из сундука мастера Каэля. Сигара нужна хорошая, не та труха, что он курит при студентах. Вопросы есть?

Вопросов не было. Кира сняла плащ, оставшись в одной нательной рубашке, подвязала рукава и приступила к работе. Первый час прошел в относительном спокойствии. Луковицы были крупными, злыми, старыми. Нож оказался идеально сбалансирован — тяжелое, широкое лезвие входило в шелуху без малейшего сопротивления. Запах стоял резкий, едкий. Глаза начало щипать почти сразу. Выступили первые слезы. Кира раздраженно смахнула их тыльной стороной ла-

дони, продолжая методично шинковать первую луковицу на идеально ровные полукольца.

Слез становилось больше. Нос заложило. Горло перехватило спазмом. Организм реагировал на испарения сульфоновых кислот классическим защитным механизмом. Кира замерла с занесенным ножом. Она посмотрела на капающую с ресниц влагу. Ее внутренний огонь, обычно отзывчивый и горячий, никак не отреагировал на химическую атаку слизи-стых. Драконья кровь игнорировала физиологию. Она распознавала угрозу жизни — падение камней, вражеский клинок, критическое переохлаждение. Но раздражение глаз от лука для тысячелетней Праматерии было слишком ничтожным событием, чтобы тратить на него энергию.

«Именно поэтому Игнатий выбрал это», — догадалась Кира. — «Здесь нет адреналина. Нет угрозы смерти. Есть только глупое, животное неудобство».

Она сделала глубокий вдох через нос, стараясь успокоить диафрагму. Вспомнила холодный снег красной ночью. Представляла, как сосуды в ее глазах сужаются, прекращая приток жидкости. Она пыталась командовать телом, как генерал командует солдатами. Слеза скатилась по щеке и упала на тыльную сторону ладони. Соленая. Раздражение усилилось. Глаза заслезились еще сильнее, словно издеваясь над ее попытками ментального контроля.

Кира со злостью швырнула нож на стол. Металл лязгнул о дерево. — Бесполезно, — процедила она вслух. — Я могу

остановить лавину, но не могу заставить глаза не мокнуть от овощей.

Она схватила следующий мешок, высыпала гору лука на стол и начала крошить его хаотично, крупно, отбросив всякое изящество. Скорость давала выход накопившемуся гневу. Слезы смешивались с потом, стекая в бороду. Весь процесс был жалким, примитивным и унижительным. Величайший потенциальный огненный маг современности сидит в подвале и рыдает над луком, как младенец.

На десятом мешке произошло непредвиденное. Рука, сжимающая нож, дрогнула. Сказывались сутки без нормального отдыха и последствия тренировок Каэля. Лезвие соскользнуло с твердой части луковицы и прошло по мякоти большого пальца левой руки. Разрез был неглубоким, но чистым. Кровь выступила мгновенно — темная, густая, цвета перезрелой вишни.

Кира зашипела, машинально сунув палец в рот. И в этот момент тело совершило ошибку интерпретации данных. Мозг получил сигнал: «Травма. Повреждение кожного покрова. Наличие соленого раствора (слезы) и органических паров». Драконья кровь, находившаяся в состоянии постоянного полу-бдения из-за близости других носителей дара в крепости, восприняла ситуацию иначе. Для древнего симбионта сочетание *соленая вода + повреждение тканей + острый предмет* означало только одно: ритуальное кровопускание. Активацию печати. Призыв силы.

Физиологический отклик на лук наложился на генетический код Дракона. Реакция была катастрофической.

Кровь на пальце Кире вскипела первой. Капля расширилась, превратилась в шарик ртути и оторвалась от кожи, зависнув в воздухе. Затем запылали сами капилляры под порезом. Огонь побежал вверх по руке не как воспаление, а как чистый спирт по фитилю. Багровые нити татуировки-Печати на предплечье вспыхнули, прожигая рукав рубахи. — Демоны Бездны! — выругался Грофф, роняя свою клешню. Котел загрохотал.

Кира попыталась погасить пламень обычным способом — втянуть обратно. Но канал управления был заблокирован. Две системы мозга конфликтовали: одна требовала лечить порез и прекратить плакать, вторая кричала о необходимости выпустить боевую форму. Жар вышел из-под контроля. Он устремился не наружу, а внутрь, ища ближайший резервуар энергии.

Этим резервуаром оказались запасы гликогена в печени и кислород в альвеолах. Кира захрипела, падая на колени. Легкие вспыхнули сухим, непереносимым огнем. Попытка вдохнуть привела к тому, что она втянула в себя собственный выхлоп. Горло обуглилось. Перед глазами поплыли черные пятна. Она горела изнутри, заживо запекаясь в собственном соку, и никто в мире не мог ей помочь, потому что источник пожара находился в самой структуре ее ДНК.

Старик Грофф проявил неожиданную прыть для своих га-

баритов. Он бросился к ней, оттолкнув стол. Медная клешня со щелчком раскрылась, обнажая набор тонких хирургических инструментов внутри. — Контакт! Давай контакт! — проревел он, хватая горящую руку Киры своей металлической конечностью.

Температура руки девушки в тот момент достигала точки плавления свинца. Медная клешня зашипела, соприкоснувшись с ней. Любой другой человек остался бы без руки по плечо. Но Грофф не был обычным человеком. Искры полетели во все стороны. Клеща намертво вцепилась в запястье Киры, замыкая цепь. — Выплюнь! — орал кок, используя свой вес, чтобы удерживать извивающуюся девушку. — В землю! Вырви из себя!

Кира действовала на чистых инстинктах выживания. Собрав последние остатки кислорода, она переключила вектор потока. Вся агония, весь избыточный жар, скопившийся в грудной клетке, ринулся вниз, по руке, через медь протеза Гроффа и в каменный пол.

Взрыва не было. Был глухой, утробный гул. Каменные плиты пола в радиусе двух метров от них пошли сетью трещин. Глубоко в подземельях Коллегии что-то протяжно и возмущенно закрипело — Левиафан явно выразил недовольство тем, что его разбудили ударом сковородки по голове. Пол под Кирой просел, образовав аккуратную чашеобразную воронку глубиной в метр. Жар испарил всю влагу из бетона, превратив его в блестящее черное стекло.

Обессиленная, задыхающаяся, с языком, опухшим от внутреннего ожога, Кира рухнула на дно этой импровизированной печи. Грофф тяжело дышал над краем ямы. Его клешня дымилась, источая запах горелой изоляции, но выдержала. Медный сплав принял на себя основной удар термоядерного сброса. — Псих ненормальный, — прохрипел кок, сплевывая на пол. — Предупреждать надо, что у тебя замыкания в цепи случаются! Чуть старую разваренную капусту всей коллегии на головы не уронил!

Кира попыталась ответить, но смогла издать только сиплый булькающий звук. Она перевернулась на спину, глядя на далекий потолок подвала. Потолок кружился. Сверху, пошатываясь, спустился Игнатий. Похоже, датчики башни сообщили ему о несанкционированном запуске реактора малой мощности. В руках магистр держал очередную бутылку. — Так, — констатировал он, оценив масштаб разрушений, валяющуюся без чувств Киру и дымящуюся клешню Гроффа. — Лук победил. Прекрасно. Прогресс налицо.

Он спрыгнул в воронку с грацией, невероятной для его комплекции. Присел рядом с Кирой и силой разжал ей зубы, вливая какую-то маслянистую, прохладную жидкость прямо в глотку. Мир моргнул. Внутренний пожар в легких мгновенно потух, сменившись арктическим холодом ментола. Боль в горле отступила, хотя говорить она все равно не могла. — Диагноз ясен, — вздохнул Игнатий, садясь на край разбитой плиты и доставая трубку. — Классическая психо-

соматическая петля. Триггер-рефлекс сработал зеркально. Твои слезы вызвали агрессию пламени, приняв их за катализатор жертвенной крови.

Он выпустил кольцо сизого дыма, которое красиво зависло над воронкой. — Хорошая новость: ты создала идеальный термитный заряд собственным телом. Плохая новость: ты чуть не сварила нам обед снизу. Грофф, вылезь отсюда, пока свод не рухнул. Девочка побудет здесь. Посидит, подумает о природе вещей.

Игнатий остался сидеть на краю ямы, болтая ногами. Кира постепенно приходила в себя. Холодное питье вернуло связки, хоть каждое слово отдавалось царапаньем наждачной бумаги. — Я неудачница, — просипела она. — Ты статистическая аномалия, — поправил магистр. — Обычный маг учится разделять эмоции и силу годами. Тебе природа дала такую мощь, что твоя психика просто не справляется с пропускной способностью канала. Мы пытались учить твой мозг. Мозги у тебя хрупкие, слабенькие, человеческие. Придется учить тушку.

Он ткнул чубуком трубки в сторону ее груди. — С завтрашнего дня ты переходишь на режим двойных нагрузок. Утром — Каэль до полного истощения мышц. Днем — теория печатей до отключения зрения. Вечером — ты вернешься сюда. Будешь чистить лук. Сто мешков. Пока твои глаза не высохнут окончательно или пока ты не научишься любить эти слезы. Боль и дискомфорт должны стать твоими друзьями.

ми, Кира. Потому что враг придет не с огнем. Враг придет тогда, когда тебе будет уютно и безопасно. И именно в этот момент твоя собственная кровь решит, что пора просыпаться.

Он поднялся, отряхнул колени. — Кстати, — добавил Игнатий уже уходя. — Грофф передает, что суп сегодня пересолен. Кажется, ты случайно обогатила его железной стружкой и базальтом. Ребята из столовой оценили креативность. Назвали «Похлебкой Феникса». Гордись.

Магистр ушел, оставив Киру одну в остывающей воронке. Где-то капала вода. Пахло гарью, сыростью и вареными овощами. Кира закрыла глаза. Тело болело везде. Снаружи от ударов Каэля. Изнутри от собственного взрыва. Но впервые за долгое время эта боль не несла отчаяния. Она несла информацию. Каждая мышца, каждая вена теперь знали предел.

Она провела пальцем по краю стеклянного дна воронки. Идеально гладкое, прочное обсидиановое стекло. След ее маленькой, домашней катастрофы. Если она способна сделать это случайно, плача над луком, то что она сможет сделать, научившись смеяться в лицо смерти?

Кира подтянулась на руках, выбираясь из ямы. Ноги дрожали, но держали. Она посмотрела на свои ладони. Порез на пальце затянулся, оставив лишь белый нитевидный шрам. Завтра будет новый день. Новые шестьсот граммов слез. И новые попытки обмануть природу, которая старше самих бо-

ГОВ.

Глава 6. Иллюзии и ложь

Западное крыло Коллегии Кровавых Печатей жило по своим законам времени. Здесь никогда не светило солнце искусственного купола, а воздух был густым, тяжелым и пах озоном перед грозой, которая так и не разражалась столетиями. Коридоры изгибались под углами, невозможными для человеческого вестибулярного аппарата: стоило пройти десять шагов прямо, и ты оказывался на потолке, но гравитация послушно меняла вектор вслед за твоим шагом, позволяя идти как ни в чем не бывало.

Кира шла сюда пешком от казарм, хотя Вейра прислала за ней дежурного дроида. После вчерашнего инцидента с луком и последующего обрушения подвала всё тело гудело натянутой струной. Игнатий добился своего: эликсиры больше не помогали уснуть, потому что нервная система находилась в состоянии перманентного перегрева. Каждое движение отзывалось фантомным жаром в мышцах.

Двери в покои Магистра Иллюзий не было. Был лишь проем, затянутый плотной завесой из черного бархата, который, казалось, поглощал саму возможность звука. Кира протянула руку, чтобы коснуться ткани, но пальцы встретили пустоту. Ткань существовала только для глаз. — Перестань шупать портьеру, Девятый. Ты выглядишь как деревенский вор, — голос леди Вейры прозвучал сразу внутри черепа, минуя

барабанные перепонки. — Входи. Иними свои грязные сапоги. Энергетические потоки этого зала чище твоей совести, не оскверняй их подошвами.

Кира вошла. Комната была круглой и абсолютно пустой. Стены, пол и потолок представляли собой единое зеркало из идеально отполированного обсидиана. Но это зеркало ничего не отражало. В нем не было видно ни Киры, ни мерцающих сфер-светильников под сводом. Зеркальная гладь клубилась густой фиолетовой мглой, похожей на космическую туманность. Сама Вейра сидела в центре комнаты, паря в полуметре над полом. Ее кресло отсутствовало — она просто висела в воздухе со скрещенными ногами, облаченная сегодня в платье из жидкого серебра. Когда она двигалась, ткань платья текла вверх, вопреки гравитации.

— Закрой дверь, — приказала она. — Плотнее. Нам не нужны лишние свидетели. Особенно те, у которых три глаза и привычка докладывать Ректору о каждом моем вздохе.

Кира огляделась. Двери, через которую она вошла, тоже не стало. Теперь они находились в идеальной сфере тьмы. — Сядь, — велела Вейра. — Прямо на пол. Скрести ноги. Выпрями спину. Боль в ребрах — это иллюзия слабости, которой потакает твой разум. Игнорируй ее.

Кира опустилась на холодный камень. Позвоночник отозвался протестующим хрустом. — Вчера Игнатий пытался научить тебя быть факелом, — начала Вейра, открывая глаза. Ее зрачки были вертикальными, как у змеи, и пульсиро-

вали в такт биению невидимого сердца. — Это грубая работа. Архитектура. Строительство материи из жара. Мой профиль тоньше. Я работаю с архитектурой восприятия. Огонь сжигает плоть. Ложь сжигает реальность.

Она подняла правую руку. На ладони лежал обычный речной гольщ, серый и ничем не примечательный. — Что ты видишь? — спросила магистр. — Камень, — ответила Кира. — Неверный ответ, — губы Вейры тронула едва заметная улыбка. — Ты видишь совокупность фотонов, отразившихся от поверхности минерала кварцевой группы. Твой мозг обработал сигнал и наложил на него шаблон «камень», извлеченный из памяти детства. Ты видишь не объект. Ты видишь *интерпретацию*.

Вейра сжала кулак. Когда она его разжала, камня не было. Вместо него на ладони сидел крошечный мотылек с крыльями из настоящего пламени. — Я не создала мотылька, — пояснила иллюзионистка. Мотылек взмахнул крыльями, рассыпая искры, которые исчезали, не долетая до пола. — Я взяла шаблон «мотылек» и заполнила его энергией света. Твой глаз принял этот пакет данных. Твой разум подтвердил подлинность, потому что якорем послужил свет — то, что твоя природа понимает лучше всего. А теперь смотри внимательно. Где сейчас находится настоящий свет?

Кира моргнула. Свет светильников под потолком вдруг померк. Единственный источник освещения остался в руке Вейры. — Настоящий свет там же, где и был, — предполо-

жила Кира. — Нет, — покачала головой Вейра. — Настоящего света здесь нет уже пять минут. Я выключила его, когда ты вошла. То, что ты принимаешь за освещение зала — это остаточная память твоих глаз. Я поддерживаю эту память своей волей. Если я умру сейчас или просто отвлекусь... — мотылек на ее ладони вспыхнул чуть ярче, — ...ты рухнешь во тьму. И первое, что ты почувствуешь, будет падение. Потому что гравитация этой комнаты — тоже моя выдумка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.